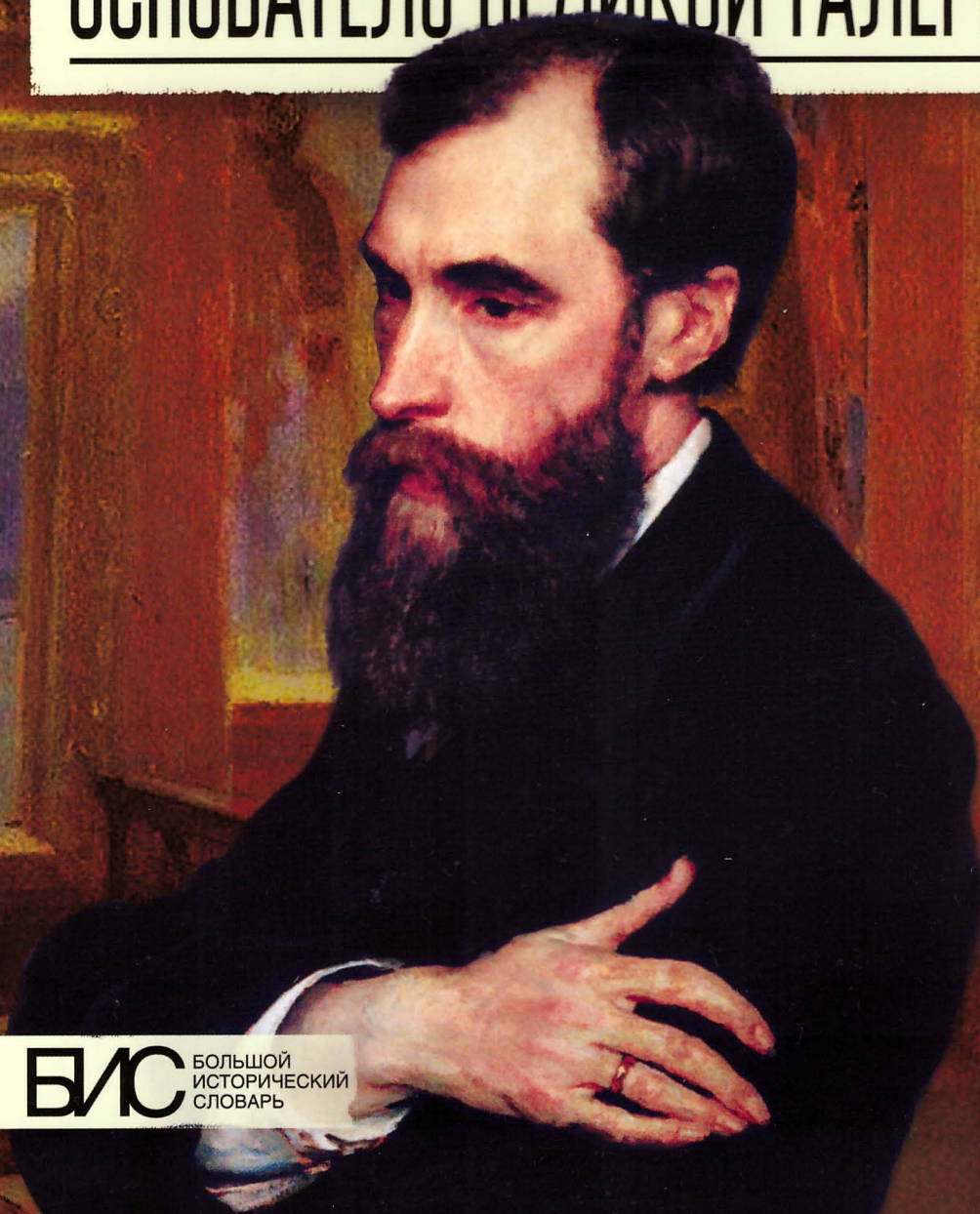

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ПАВЕЛ ТРЕТЬЯКОВ

ОСНОВАТЕЛЬ ВЕЛИКОЙ ГАЛЕРЕИ

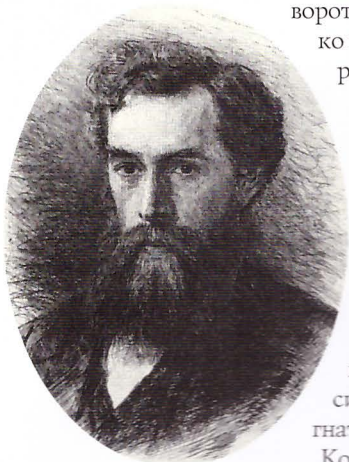
БИС БОЛЬШОЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Павел Михайлович
Третьяков.
Гравюра В. В. Матэ
с картины
И. Н. Крамского

«Праздность —
мать пороков, труд
человека кормит,
а лень портит».
П. М. Третьяков

Замоскворечье.
Художник
Н. Е. Маковский

В один из зимних вечеров по Москве ехал человек. «На плохой лошадке в стареньких санках, вид кучера какой-то неказистый, а седока совсем не было видно за большим поднятым воротником шубы. Однако все встречные на хороших рысаках с блестящей сбруей и толстыми нарядными кучерами, только увидя скромную фигуру, усиленно кланялись. Мужа заинтересовало — кто же это, заслуживающий такого почета? Он попросил извозчика обогнать впереди едущего.

Когда обогнали, муж оглянулся и с восхищением увидел Павла Михайловича. Обеими руками тогда он снял шапку и как можно низко поклонился великому создателю Третьяковской галереи. При его на редкость поразительной скромности тут виден был громадный почет и уважение всей Москвы», — вспоминала современница Третьякова, москвичка Евдокия Константиновна Дмитриева.

Павел Михайлович Третьяков родился в 1832 г. в Замоскворечье — одном из центральных районов Москвы, в доме, который принадлежал еще его деду.

Третьяковы вели патриархальный образ жизни. Детей — а их было девять: старшие Павел и Сергей, Лиза, Данила, Соня (любимица матери), Саша, Николай, Михаил и Надя — воспитывали в строгости и полном подчинении родителей. Никакие излишества, траты на «пустяки» не позволялись. Заботившийся о том, чтобы все дети получили прекрасное образование, Михаил Захарович приглашал к ним высококлассных учителей.

Павел быстро научился читать. Его любимыми писателями были Пушкин, Тургенев, Жуковский. Он высоко оценивал поэзию Фета, а в зрелом возрасте открыл для себя произведения Толстого и Достоевского. Читал много, до глубокой ночи; особо интересную мысль помечал, чтобы потом с кем-нибудь из родных обсудить.

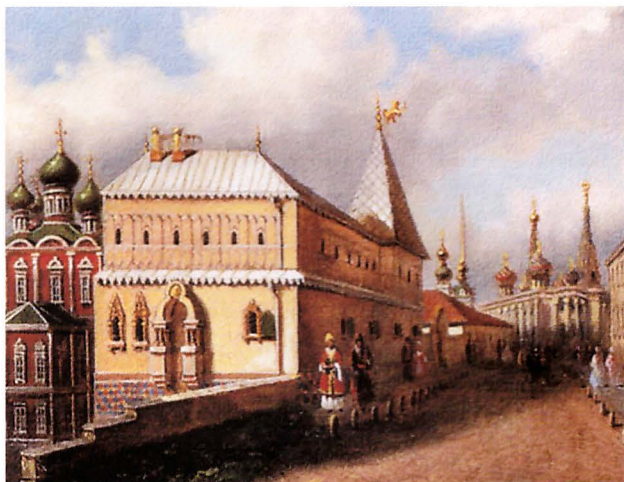
С самого детства отец приучал старших сыновей к коммерческим делам. Причем постигать азы профессии они начинали с низшей ступени — выполняя обязанности «мальчиков в лавке»: бегали по поручениям, помогали обслуживать посетителей, убирались, выносили мусор.

К труду в купеческих семьях приучали с детства. «Каждая профессия почетна, если ведется честно, — любил повторять отец, а вслед за ним и его старший сын. — Честный сапожник, трудолюбивый и искусный в своем деле, лучше нечестного или же неталантливого ученого».

Видя ответственное отношение к работе, Михаил Захарович стал доверять сыновьям и более серьезные дела. К четырнадцати годам Павел с Сергеем торговали в лавках старых торговых рядов между Варваркой и Ильинкой. Лавок было пять, поэтому дел хватало всем.

История рода Третьяковых

Родоначальником семьи Третьяковых считается Елисей Мартынович. В 1774 г. он переехал в Москву из Малого Ярославца и успешно наладил продажу тканей. Его сын Захар Елисеевич дело отца продолжил и развил и детям своим оставил уже несколько торговых лавок.

Самым преуспевающим из его наследников оказался Михаил Захарович. Ему принадлежали лавки, располагавшиеся недалеко от Красной площади, а также «торговые, всенародные, дворянские и семейные мужские и женские бани» в районе Якиманки.

Михаил Захарович женился на Александре Даниловне Борисовой, дочери крупного коммерсанта, торговавшего с Англией салом. Долгое время тот выступал против этого брака. Еще бы: состояние Третьякова сильно уступало состоянию Борисова, да к тому же сводные братья пытались отсудить у Михаила наследство. Лишь после того, как конфликт был улажен и Михаил Захарович свой капитал приумножил, Данила Иванович дал согласие на брак. Не последнюю роль сыграла и деловая репутация Третьякова.

К моменту рождения первенца Александре Даниловне исполнилось двадцать лет. Современники отзывались о ней как об исключительно умной женщине с твердым, волевым характером. Она прекрасно разби-

ралась в счетах, была достаточно образованна и очень энергична. И хотя писала она не очень грамотно, зато неплохо музицировала и разводила комнатные цветы.

Дома у Третьяковых всегда был идеальный порядок.

Михаил Захарович свою жену уважал и часто с ней советовался. Серьезного образования он не получил, но базовые навыки (грамоту, счет) освоил. Когда спрашивали, говорил, что учился в Голутвинском Константиновском институте, а на вопрос: «Где это?» — отвечал: «Нет уж его теперь. Проще сказать, что у голутвинского дьячка Константина я учился». Он был мастер рассказывать всякие истории.

Супруги жили дружно. А появление детей их сблизило еще больше.

Сохранились фотографии Александры Даниловны. А вот каков был из себя Михаил Захарович, неизвестно: за всю жизнь он не заказал ни одного своего портрета и ни разу не сфотографировался.

*Улица Варварка
в 1830-х гг.
Неизвестный
художник*

*Александра
Даниловна
Третьякова
в 1870-х гг.*

Москва купеческая

«В московском купеческом родословии было два с половиной десятка семей, которые нужно поставить на самых верхах генеалогической лестницы. Это вовсе не всегда были „гости“, или „первостатейные купцы“, или миллионеры. Это были те, кто занимал почетное положение в народнохозяйственной жизни и помнил о своих ближних — помогали страждущим и неимущим и откликались на культурные и просветительные надобности. Все эти семьи можно разделить на несколько категорий.

На первом месте надо поставить пять семей, которые из рода в род сохраняли значительное влияние либо в промышленности, либо в торговле, постоянно участвовали в общественной — профессионально-торговой и городской деятельности, и своей жертвенностью или созданием культурно-просветительных учреждений обессмертили свое имя. Это были Морозовы, Бахрушины, Найдёновы, Третьяковы и Щукины.

Во вторую группу нужно отнести семьи, которые играли также выдающуюся роль, но которые к моменту революции сошли с первого плана либо отсутствием ярких представителей, что для этой группы особенно характерно, либо выходом из купеческого плана и переходом в дворянство. Это были семьи Прохоровых, Алексеевых, Шелапутиных, Куманиных, Солдатёновых, Якунчиковых.

Далее надо поставить семьи, в прошлом занимавшие самые передовые места, но бывшие либо на ущербе, либо ушедшие в другие области общественной или культурной жизни. Таковыми были семьи Хлудовых, Мамонтовых, Боткиных, Мазуриных и Абрикосовых.

Следующую группу составляют семьи, которые в последние годы были более известны общественной деятельностью их представителей, чем своей коммерческой активностью. Это Крестовниковы, Гучковы, Вишняковы, Рукавишниковы, Коноваловы.

Наконец, семьи, из которых каждая являлась по-своему примечательной: Рябушинские, Красильниковы, Ушковы, Швецовы, Второвы и Тарасовы».

П. А. Бурьякин, русский торговец, историк купечества

Елизавета Коншина (в девичестве Третьякова) в 1860-х гг.

Когда скончался Михаил Захарович, Елизавете было пятнадцать лет. «Завещанный» отцом брак с Коншиным «ее пугал, она плакала и умоляла, но понемногу свыклась и примирилась с этой мыслью», — вспоминала ее сестра Александра. В браке родилось пятеро детей: три сына и две дочери.

В 1850 г. Михаил Захарович умер. Всё свое имущество он завещал Павлу и Сергею, но с оговоркой: в права наследования братья смогут вступить, лишь «когда наберутся должного опыта и умения». По замыслу отца, это должно произойти в один год: когда Павлу исполнится двадцать шесть лет, а Сергею — двадцать пять. До этого времени во всех своих коммерческих действиях братья должны отчитываться перед опекунами: матерью Александрой Даниловной и другом семьи и торговым партнером отца, купцом Константином Афанасьевичем Чеботарёвым.

На словах перед смертью Михаил Захарович также пожелал, чтобы сыновья взяли в компаньоны доверенного приказчика Владимира Дмитриевича Коншина. А дочь свою — Елизавету — просил выйти за Коншина замуж.

Уже в первые годы после смерти отца

На толкучем рынке в Москве.
Художник В. Е. Маковский

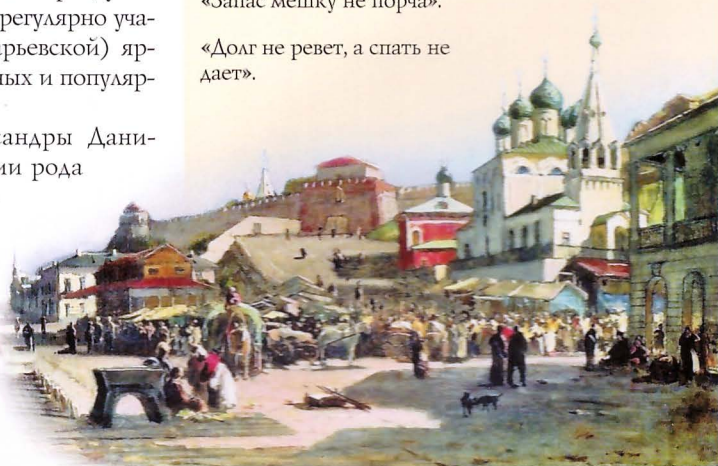
наследники при поддержке опекунов расширили дело: в Крашенинновом и Золотокружевном рядах Гостиного двора в Москве было приобретено шесть лавок, еще одна лавка была снята в Большом Красильном ряду. Холст, кружева, другие материи находили спрос у покупателей и приносили стабильный доход.

Прибыльной оказалась и оставшаяся от отца недвижимость: доходный дом в Голутвине, дома в Замоскворечье и на Пречистенке, большой комплекс Якиманских бань — все они сдавались в аренду.

С начала 1850-х гг. Третьяковы регулярно участвовали в Нижегородской (Макарьевской) ярмарке — одной из наиболее известных и популярных в России.

В 1856 г. ходатайство Александры Даниловны Третьяковой о причислении рода к потомственному почетному гражданству было удовлетворено. Повысился и социальный статус семьи — Третьяковы получили право участвовать в выборах органов городского самоуправления.

Нижний Новгород. Нижний базар. Художник А. П. Боголюбов

Русские пословицы о торговле

«Питер бока повытер, да и Москва бьет с носка».

«Спрос не бьет в нос».

«Хороший товар сам себя хвалит».

«Чего не продаю, на то и цены нет».

«Купишь лишнее — продашь нужное».

«Кукиш и без денег купишь».

«Хорошо дешево не бывает».

«Счет не солжет, а мера не обманет».

«Счет да мера, то и вера».

«Слову — вера, хлебу — мера, деньгам — счет».

«На торги со своей ценой не ездят».

«Денег огулом не принимают, а считают».

«Лучше торговать, чем воровать».

«Торгуй правдою — больше барыша будет».

«Не купая учит — продажа».

«Торг — яма: стой прямо!»

«Торговать — так по сторонам не зевать».

«Не купил за свой грош — так и не ворошь».

«Почтенный покупатель дороже денег».

«Гусь да баба — торг; два гуся, две бабы — ярмарка».

«Гроша не стоит, а глядит рублем».

«Запас мешку не порча».

«Долг не ревет, а спать не дает».

Сергей Михайлович Третьяков в 1856 г. «Умный, культурно-образованный, обладавший прекрасным, но очень твердым характером, он умел... одушевлять своих сотрудников и сотоварищей, внушать им любовь и преданность делу, которое сам он безгранично любил, которое знал до мельчайших подробностей» — так характеризовал Сергея Третьякова гласный Московской городской думы (в будущем — губернатор) князь Владимир Михайлович Голицын

В 1859 г. Павел и Сергей Третьяковы наконец вступили в права наследования. Началась самостоятельная предпринимательская жизнь, к которой они оба были готовы. За спиной — многие годы коммерческой деятельности, обширные

деловые связи и немалые денежные суммы.

В 1860 г. был открыт торговый дом Товарищества «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин» с магазином на Ильинке — самой «деловой» улице Москвы. Все крупные фирмы размещались именно там. В основном торговали отечественным текстилем. А чтобы расширить его производство, братья еще в 1857 г. открыли Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры — крупнейшее в России льнообрабатывающее предприятие, первоначально объединившее в себе прядильную, ткацкую и отбельную фабрики.

Качественный товар и разнообразие ассортимента делали продукцию Третьяковых востребованной, а престижные награды на всероссийских и международных выставках принесли широкую известность.

В 1896 г. Товарищество удостоилось самой престижной награды — права изображения Государственного герба. В то же время московский торговый дом «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин» с 1887 г. стал поставщиком столового и кухонного белья для Высочайшего Двора.

Еще одним источником доходов Третьяковых были операции с ценными бумагами.

Доходный дом Третьяковых на Кузнецком мосту в 1890-х гг. Автор проекта — архитектор Александр Каминский

Павел Михайлович владел облигациями двух железных дорог, а также прохоровской Трёхгорной мануфактуры. Будучи одним из учредителей Московского купеческого банка, а впоследствии и заместителем председателя Совета банка, он прекрасно разбирался в финансовых вопросах и вкладывал деньги туда, где они не просто сохранялись, но и приносили прибыль.

Широкую известность Третьяковы получили в начале 1870-х гг., после того как приобрели большой участок земли на Никольской улице. «Москвичи часто жаловались, что с Тратальной площади и Петровки нет прямого проезда на Никольскую улицу к торговым рядам и в Зарядье, — писал современник. — Приходилось идти через Красную площадь или через Лубянскую. Мешала стена Китай-города». Купив землю, Третьяковы с разрешения городской думы участок стены «проломали» и на освободившемся месте построили большое здание с проездом под ним. Использовать этот проезд мог любой.

Первый Третьяковский

Третьяковский проезд стал одним из самых популярных мест Москвы. Сюда приезжали, чтобы купить последние модные новинки и обновить гардероб. С середины 1870-х гг. в здании располагались частные магазины и филиалы крупных фирм. Среди них — специализировавшиеся на продаже одежды «Магазин готового платья Трусова и Туруцова» и «Торговый дом братьев Алексеевых». В магазине «Феникс» продавалась популярная среди московской аристократии мебель в стиле модерн, а в «Торговом доме Вильгельма Габю» — часы и ювелирные изделия. Еще одно из помещений занимал чайный магазин знаменитого московского купца Василия Гавриловича Куликова. В то время как основные склады чайной продукции размещались на Ильинке, в этом магазине велась торговля только высшими сортами чая.

Архитектор Каминский

Александр Степанович Каминский получил известность как представитель поздней эклектики в архитектуре второй половины XIX в. В возрасте двадцати лет он начал обучение в Императорской академии художеств, где его наставником был любимый архитектор императора Николая I Константин Андреевич Тон. К тому времени Тон уже заявил о себе как автор проекта возводимого в Москве грандиозного Храма Христа Спасителя на Волхонке. По желанию Тона к работам был привлечен и его ученик.

В 1857 г. у Каминского начался «зарубежный период» деятельности: в течение трех лет он стажировался в других странах. В Париже Александр познакомился с Павлом Третьяковым. Два ярких, творческих, эрудированных человека быстро сошлись во взглядах и интересах. Эта симпатия вскоре переросла в дружбу, скрепленную и родственными связями: в 1862 г. Каминский женился на сестре Третьякова Софье Михайловне.

*Александр
Степанович
Каминский.
Художник
В. Г. Худяков*

К середине 1860-х гг. имя Каминского уже хорошо известно в московской купеческой среде. Он проектирует и строит корпус фабрики купца Баранова в Карабанове, возводит здание Купеческой управы на Неглинной, перестраивает здание Биржи на Ильинке. На манер прошлых эпох выстраивает в Колпачном переулке усадьбу Четверикова, в Леонтьевском переулке — усадьбу Каратаевой — Морозова. Несколько раз архитектор перестраивал дом самого Третьякова.

Среди наиболее известных общественных построек Каминского — Александро-Мариинское училище на Большой Ордынке, храм Святых Софии и Татианы в московской детской больнице имени Н. Ф. Филатова.

Последним творением Каминского стал храм Святого Серафима Саровского в Сарове, освященный в 1903 г., спустя шесть лет после кончины своего создателя.

Дом Третьяковых в Толмачах
в 1890-х гг.

ходился обширный сад с цветниками и десятками фруктовых деревьев.

Места хватало всем. Павел и Сергей разместились на первом этаже, здесь же для удобства устроили и свою торговую контору. Второй этаж заняла Александра Даниловна с дочерьми.

В августе 1865 г. Павел Михайлович женился. Его избранницей стала Вера Николаевна Мамонтова, дочь богатого купца, двоюродная сестра предпринимателя и мецената Саввы Ивановича Мамонтова, девушка хорошо воспитанная и образованная. Она была младше Третьякова на двенадцать лет.

Со своей будущей избранницей Павел Михайлович познакомился на музыкальном вечере у архитектора Каминского. Вера исполняла пьесы на фортепиано, а Павел Михайлович скромно стоял в углу и жадно слушал игру девушки. Когда их представили, Третьяков только и смог смущенно произнести: «Превосходно, сударыня, превосходно».

Он начал бывать у Мамонтовых; часто просил Веру Николаевну сыграть что-нибудь. А вскоре сделал ей предложение. Когда Третьяков сообщил об этом своему товарищу, тот с удивлением заметил: «Мне и в голову не приходило, что умеете влюбляться, да еще вдобавок в молоденькую и хорошенькую, и так втихомолку, что ежели не Вы сами мне написали, то и не поверил бы».

Свадьбу сыграли в Кирееве — имении дяди и крестного отца невесты Ивана Фёдоровича Мамонтова, а жить стали в доме Третьяковых.

Вера Николаевна быстро нашла общий язык

со всей своей новой семьей. В хозяйстве она мало что понимала, а музыкой по настоянию супруга продолжала заниматься.

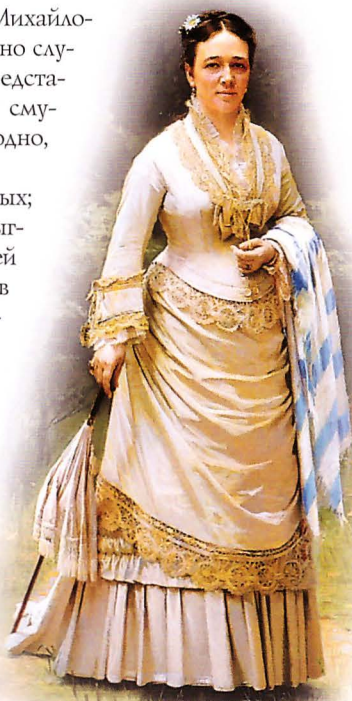
Обстановка в доме Третьяковых была теплая и доверительная. Супруги по воскресным дням ходили в церковь, по вечерам выезжали в театр или на концерты. В гости Павел Михайлович ездить не любил — считал это пустым времяпрепровождением. К тому же он тяготился многолюдным обществом. Вера Николаевна нашла компромисс: в гости и купеческий клуб она отправлялась с сестрой Зинаидой. А когда Павел Михайлович уезжал по делам в другие города или за границу, устраивала в их особняке танцевальные вечера.

В семье Третьяковых родилось шестеро детей — два мальчика и четыре девочки. Старшие Вера и Саша были погодками, следом шли Люба и Миша, позднее, через четыре года после Миши, на свет появилась Маша, а за ней Ванечка — всеобщий любимец. Увы, Миша родился слабым и не был дееспособным, а Ванечка в возрасте восьми лет скончался от дифтерита.

Своим детям родители дали домашнее образование. К ним приглашались педагоги, в числе которых была и сестра известного драматурга Александра Николаевича Островского.

Старшая дочь Вера позднее вспоминала: «День начинался рано. В семь часов сорок пять минут мы уже сидели за фортепиано... Целый день шел по расписанию до минуты. Вечером до половины десятого в продолжение двух часов мы поочередно читали вслух классиков. Затем давался стакан молока, после чего мы должны были ложиться спать».

Павел Михайлович прививал детям интерес к живописи, настоятельно советовал посещать выставки и музеи. Все они много читали. В городской библиотеке под поручительство отца и дяди им даже позволялось брать особо ценные издания. «Если детство может действительно быть счастливым, то мое детство было таковым», — вспоминала Вера.

Вера Николаевна Третьякова.
Художник И. Н. Крамской

Семья Третьяковых.
Слева направо: Вера,
Иван, Вера Николаевна,
Мария, Михаил,
Мария Ивановна
(домоправительница),
Павел Михайлович,
Александра,
Любовь

Савва Великолепный и абрамцевский рай

Представитель известного купеческого рода Савва Иванович Мамонтов был человеком больших дарований.

Промышленник, строитель железных дорог, финансовый деятель, скульптор, драматург, музыкант. Но наибольшую славу он приобрел как меценат, сумев объединить вокруг себя талантливых артистов, художников, музыкантов и дав им возможность раскрыться.

В 1870 г. в подмосковном селе Абрамцево Мамонтов приобрел у вдовы писателя Константина Сергеевича Аксакова опустевший дом. Живописный парк, раскинувшийся неподалеку,

и речушка вдохновляли в свое время писателя и его многочисленных гостей. В 1850—1860-х гг. здесь бывали Николай Васильевич Гоголь, Иван Сергеевич Тургенев, Тарас Григорьевич Шевченко и многие другие известные люди.

При Мамонтове Абрамцево обрело вторую жизнь. Очарование окружающей природы, свободная творческая атмосфера, душевность и гостеприимство хозяев влекли сюда художников и старшего, и младшего поколений. К 1878 г. в Абрамцеве сложилось особое творческое объединение, впоследствии названное кружком или «семьей художников».

В историю этого кружка вписаны почти все наиболее известные на тот период имена из мира искусства. Репин, Васнецов, Polenov, Коровин, Нестеров, Остроухов и другие художники здесь бывали и творили.

В 1885 г. Савва Мамонтов на свои деньги создал Московскую частную оперу, которая была новаторской по сути. Здесь впервые музыкальное искусство оказалось соединено с высокой живописью, а артисты перестали быть простыми исполнителями вокальных партий и стали демонстрировать актерское мастерство (в соответствии с придуманным Мамонтовым девизом — «Петь нужно играя»).

Абрамцево. Художник И. Е. Репин

Савва Иванович
Мамонтов.
Художник
И. Е. Репин

Вспоминая Третьякова

«Сухой, тонкокостный, высокий, Павел Михайлович делался сразу небольшим, когда садился — так длинны были его ноги. Облик аскета. <...>

Глаза под густыми торчащими бровями, хотя и не черные, а карие, казались уголками. <...>

Он никогда не хохотал громко.

Одет он был всегда в двубортный сюртук, рубашку с отложным воротником и белым батистовым галстуком бантиком. Сапоги были неизменно с квадратными носками и мягкими голенищами, которые скрывались брюками. Только в жару летом он облачался в белый парусиновый или чесучовый костюм. Ни пиджака, ни жакета у него никогда не было.

Единственное новшество, которое он допустил, — это модная материя для сюртука: вместо черного сукна — ткань более пушистая и мягкая, с темно-серым начесом.

Конечно, когда нужно было, он надевал хорошо сшитый у [известного московского портного] Циммермана фрак. Фрак шел к нему, делал его строгим и молодежавым».

Александра Третьякова
(в замужестве Боткина) об отце

Павел Михайлович
Третьяков.
Художник
И. Н. Крамской

«Кучер со смехом говорил, что даже лошадь Павла Михайловича знала, по каким улицам ехать, на каком углу поворачивать, — так однообразен был путь. Лошадь сама подходила к тем подъездам, где хозяину нужно слезть».

Андрей Осипович Мудрогель, камердинер,
служащий галереи

«Простой, скромный до застенчивости человек с умными, вдумчивыми, удивительно добрыми глазами, всегда радушный, ясный, внимательный и участливый, всегда правдивый, просветленный непрерывным общением с искусством».

И. С. Остроухов,
художник

Кабинет Павла Михайловича
Третьякова в 1890-х гг.

Не испытывая необходимости в излишествах, Павел Третьяков считал своим долгом обеспечить семье максимально возможный уют, избегая при этом ненужных трат. Всё наперед просчитывал и по возможности избегал неоправданных рисков.

Его день был расписан загодя и, по воспоминаниям близких людей, «строился без всяких изменений годы и годы». Дочь Третьякова Александра вспоминала: «Лето и зиму отец вставал в шесть часов. Без четверти восемь он поднимался в столовую. Когда мы выходили в четверть девятого, он сидел всегда не во главе стола, как за завтраком или обедом, а посредине, сбоку, поближе к кофейнику, пил кофе и читал газету.

Покончив с кофе, он поднимался и уходил. К девяти часам [появлялся] в конторе.

Ровно в двенадцать часов Павел Михайлович поднимался в столовую к завтраку. Только иногда он запаздывал... Когда никого не было чужих, отец шутил и дразнил детей.

После завтрака Павел Михайлович отдыхал у себя в кабинете, лежа на широким, почти квадратном диванчике. Ему приходилось свертываться калачиком, но он предпочитал его большому дивану.

От двух до трех он занимался в конторе, доделывал работу, не законченную утром. В три часа он ехал в Московский купеческий банк, в котором долгие годы состоял членом Совета и членом Учетного комитета. Оттуда он заезжал в магазин на Ильинке, хотя необходимости в его присутствии не было. Павел Михайлович решал кое-какие ожидавшие его вопросы и, забрав почту и петербургские газеты, ехал домой. Почта выписывалась на магазин.

Домой он старался вернуться до шести часов, чтобы застать еще служащих в конторе, и, отпустив их, шел обедать. Иногда он засиживался, читая с Верой Николаевной вслух, или к обеду приходил кто-нибудь из друзей. Вечер он кончал в конторе. Так бывало, если

он не уходил на заседание или в театр, или в концерт».

К своим служащим Третьяков был необычайно требователен, но к тем, кто добросовестно трудился, относился доброжелательно и с уважением, а если в их семье случалась беда, то щедро помогал.

Всю жизнь Третьяков руководствовался нехитрыми принципами: постоянно расти духовно, приобретая новые знания; собственным трудом зарабатывать хлеб насущный; работать на совесть; по мере сил приносить пользу Отечеству.

«Я никому не завидую, а работаю потому, что не могу не работать», — писал он.

Современники отмечали, что купец Третьяков был «скуповатый, расчетливый, такой, что зря рубля не истратит». Правда, для представителя купеческого сословия прижимистость, бережливость и расчетливость всегда являлись добродетелями, а не пороками.

Наличие постоянного значительного дохода позволяло Павлу Михайловичу тратить немалые средства на благотворительность.

Общественной деятельностью по желанию супруга занялась и Вера Николаевна. В Арнольдовском училище для глухонемых детей под ее опекой находился Ремесленный отдел.

По предложению городской думы Вера Николаевна приняла также попечительство и над Пятницким городским начальным женским училищем. В результате ее усилий училище превратилось в одно из лучших в городе. Появились новые классы, увеличилось количество преподаваемых предметов и число учителей.

Иван
Карлович
Арнольд
в 1870-х гг.

Арнольдовское училище

Московское училище для глухонемых детей было основано в начале 1860-х гг. Иваном Карловичем Арнольдом. Сын учителя математики, в двухлетнем возрасте Арнольд упал и сильно ушиб голову. От полученной травмы почти полностью лишился слуха. Отец старательно занимался с сыном, чтобы тот не потерял дар речи, и даже послал его на учебу в Германию.

Когда отец скончался, Иван получил небольшое наследство, которое решил употребить на пользу таким же, как и он, — глухим и слабослышащим. Он открыл в Петербурге маленькую частную школу.

В то время в столице уже было казенное училище для глухонемых. Но поступить туда мог не каждый: плата за обучение была очень высокой. Арнольд, наоборот, денег почти не брал, и к нему обращались люди неимущие. Школа с трудом сводила концы с концами.

Тогда Иван Карлович решил перебраться поближе к Москве, где подобного училища еще не было. В 1860 г. он приобрел в пригороде два небольших строения и расположился в них с двенадцатью учениками. Но вскоре средства иссякли, и Арнольд вынужден был просить помощи у благотворителей. Московский городской голова князь Александр Алексеевич Щербатов познакомил Арнольда с Павлом Михайловичем Третьяковым и предпринимателем и коллекционером Дмитрием Петровичем Боткиным. Последние привлекли еще нескольких предпринимателей. В 1863 г. был основан попечительский совет.

Шесть лет Арнольд заведовал школой. По болезни вынужден был оставить ее и вернуться в Петербург. Но главное он осуществил — начатое им дело оказалось в надежных руках. С 1869 г. училище стало именоваться Арнольдовским.

В 1873 г. Павел Третьяков приобрел для училища участок земли в Москве на Донской улице. По его заказу архитектор Александр Степанович Каминский перестроил имевшееся здание так, чтобы ученики могли с комфортом в нем разместиться.

К этому времени в Арнольдовском училище жили и обучались сто пятьдесят шесть учеников и учениц. Помимо общеобразовательных предметов, в училище преподавались ремесла.

Многие преподаватели тесно общались с семьей Третьяковых и часто бывали у них в гостях.

Арнольдовское училище
для глухонемых в Москве
в конце XIX в.

Увлекаться живописью Павел Михайлович начал еще в 1850-х гг., когда, находясь по делам службы в Петербурге, посетил Эрмитаж. В письме домой Третьяков не мог скрыть своего восхищения: «Видел несколько тысяч картин; картин великих художников: Рафаэля, Рубенса, Ван-дерверфа, Пуссена, Мурильо и пр. и пр. Несчетное множество статуй и бюстов. Сотни столов, ваз, прочих скульптурных вещей из таких камней, о которых я прежде не имел даже понятия».

В следующую свою поездку в Петербург Третьяков познакомился с коллекцией русской живописи Фёдора Ивановича Прянишникова, одного из первых собирателей картин отечественных мастеров. С этого момента Третьяков задумал собирать живопись.

В 1854 г. на развалах у Сухаревой башни Павел Михайлович совершил свою первую покупку — собрание картин «старых голландцев». Первыми русскими картинами, приобретенными Третьяковым, стали «Искушение» Николая Густавовича Шильдера и «Стычка с финляндскими контрабандистами» Василия Григорьевича Худякова.

В 1856 г. во время пребывания в Петербурге Павел Михайлович заказал картины нескольким художникам. Спустя четыре года Третьяков составил и свое первое завещание, в котором распорядился выделить половину из принадлежавшего ему капитала на организацию в Москве «художественного музея или общедоступной галереи». «Прошу вникнуть в смысл желания моего, не осмеять его, понять, что... для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие», — писал Третьяков. «Я полагал бы, во-первых, приобрести галерею Прянишникова Ф. И. ... К этой коллекции прибавить мои картины русских художников: Лагорио,

Рынок на Сухаревской площади. Художник В. Е. Маковский. Сухаревский рынок («Сухаревка») известен с XVIII в. Он располагался на одноименной площади в Москве. Среди торговых рядов стояли лавки букинистов, в которых можно было купить рукописи, редкие книги. Здесь же приобретались картины, скульптуры и другие художественные произведения

Первые коллекционеры

Фёдор Иванович Прянишников.
Художник С. К. Зарянко

Покупка картин во времена Третьякова не была делом уникальным. Многие современники не только приобретали картины, но и имели собственные небольшие коллекции. Но для большинства это было данью моде или способом размещения капитала. Из старших современников только директор Почтового департамента Фёдор Иванович Прянишников и издатель Павел Петрович Свиньин создали свои галереи русской живописи. Но к 1860 г. Прянишников уже перестал пополнять собрание, а Свиньин давно распродал коллекцию.

Хорошее собрание русских картин было еще у промышленника Василия Александровича Кокорева. Он даже открыл в 1862 г. свой музей, но вскоре разорился и, так же как Свиньин, вынужден был всё продать.

Павел Петрович Свиньин.
Неизвестный художник

Худякова, Лебедева, Штернберга, Шебуева, Соколова, Клодта, Саврасова, Горавского и еще какие будут. <...> Для всей этой галереи пока нанять приличное помещение в хорошем, удобном месте города, отделать комнаты чисто, удобно для картин, но без малейшей роскоши». Управлять такой галереей, по мнению Третьякова, должно было «общество любителей художеств, но частное, не от правительства, и главное, без чиновничества».

Стычка с финляндскими контрабандистами.
Художник В. Г. Худяков

Искушение. Художник Н. Г. Шильдер

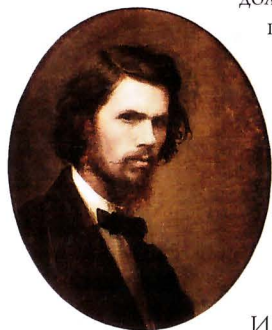
Собираательство

Когда Павел Михайлович только начал собирать картины русских художников, он развешивал их в своем кабинете на первом этаже. Со временем, когда картины перестали туда помещаться, их стали развешивать в столовой, а потом и в гостиной. Купленные первыми полотна «голландцев» Третьяков отправил в Ильинский переулок, куда с конца 1860-х гг. переехала жить его мать.

Когда была выстроена первая галерея — пристройка к дому Третьякова, и картины из жилых комнат перевесили на новое место, на опустевшие стены вернулись «голландцы» и оставались там до кончины Павла Михайловича.

Посещая выставки, знакомясь с работами в мастерских художников, Третьяков вел себя крайне скромно и деликатно. Около понравившейся картины по долгу задерживался. Если удавалось договориться с автором о приемлемой цене, то приобретал ее. Завсегдатаи выставок нередко слышали в тишине зала знаменитую фразу Третьякова: «Прошу оставить эту картину за мной».

Иван Крамской.
Автопортрет

Постепенно близкими приятелями Павла Михайловича стали художники Василий Григорьевич Перов, Иван Николаевич Крамской, Илья Ефимович Репин, Виктор Михайлович Васнецов, Василий Иванович Суриков, Илья Семёнович Остроухов. С ними он нередко советовался при приобретении той или иной картины. Мнением

Крамского и Остроухова наиболее дорожил. И всё же полагался прежде всего на собственный художественный вкус и чутье.

Во время деловых поездок Павел Михайлович непременно посещал художественные выставки, имена авторов увиденных им картин записывал. Много времени Третьяков проводил в художественных музеях Европы, учился сравнивать и выделять истинно талантливые произведения.

Третьяков как мог помогал художникам: искал заказы, предлагал картины знакомым купцам. Через художников Третьяков узнавал о новых работах, заказывал полотна. Благодаря его поддержке многие художники могли заниматься творчеством, не думая ежедневно о хлебе насущном.

«Многие положительно не хотят верить в хорошую будущность русского искусства и уверяют, что если иной какой художник наш напишет недурную вещь, то как-то случайно, и что он потом увеличивает собой ряд бездарностей. Я иного мнения, иначе я не собирал бы коллекцию русских картин... Очень был бы я счастлив, если бы дождался и на нашей улице праздника», — говорил Третьяков.

Василий Суриков.
Автопортрет

Как Третьяков картины покупал

«Бывало, в декабре, когда художники всех толков потянутся через Москву в Питер к выставкам, начнутся паломничества Павла Михайловича по мастерским, по квартирам, комнатам, „меблирашка“, где проживал наш брат художник. Обычно по утрам к одному из таких счастливейцев подъезжали большие крытые сани — из тех, в каких езжали доктора с большой практикой или те, кому удалось жениться, как фёдоровскому „Майору“; такие крытые сани с медвежьей полостью вез большой сытый конь, на козлах сидел солидной наружности кучер, — словом, всё было „добротное“. В таких санях совершал свои наезды к художникам наш „тишайший“ Павел Михайлович Третьяков.

Неторопливо вылезал он из саней, тихо звонил у подъезда или стучался у дверей, ему отворяли. Входил высокий, „старого письма“ человек, в длинной барашковой шубе, приветливо здоровался, целуясь, по московскому обычаю; троекратно с встречавшим хозяином, и, приглашаемый им, входил в мастерскую. Просил показать, что приготовлено к выставке. Садился, долго смотрел, вставал, подходил близко, рассматривал подробности. И не всегда сразу приступал „к делу“, а бывало и так, что посмотрит-посмотрит, да и заговорит о постороннем. Всякое бывало.

Начинал свой объезд Павел Михайлович со старших — с Васнецова, Сурикова, Polenova, Прянишникова, Владимира Маковского, потом доходил и до нас, младших: Левитана, Архипова, меня, Константина Коровина, Пастернака, Аполлинария Васнецова и других.

Конечно, и при покупке картин Третьяков оставался в душе купцом, торговым человеком. Если считал, что цена на картину завышена, то торговался не смущаясь. Художники нередко поговаривали друг с другом, что „Третьяков прижимает“. Рассказывали, что на выставке Третьяков приглядел пейзаж художника Дубовского. Автор продавал картину за 600 рублей, Третьяков давал 550. Дубовский уступать в цене не хотел. Третьяков настаивал на снижении цены, ибо картина попадет в галерею, что весьма лестно для ее автора. Договориться не удалось, и Третьяков уехал. На следующий день Третьяков

Василий Перов.
Автопортрет

вновь приехал на выставку и торг возобновил. Автор картины в цене опять не уступил, и обиженный Третьяков снова уехал ни с чем. Лишь на пятый день торга Третьяков всё-таки добился своего. Дубовской согласилась. Тогда Третьяков бросился целоваться и благодарить».

М. В. Нестеров, художник

Самым значительным приобретением Третьякова в середине 1860-х гг. стала картина Константина Дмитриевича Флавицкого «Княжна Тараканова в темнице», появившаяся на выставке Московского общества любителей художеств в 1865 г. Третьяков решил купить картину, но с художником не сошлись в цене. Покинув выставку, Третьяков продолжил торговаться в письмах к Флавицкому. Однако картина продолжала оставаться у автора.

В 1866 г. художник умер. Третьяков продолжил переговоры с братом покойного. Понадобился год, чтобы стороны смогли договориться. Картина оказалась у Третьякова.

«Княжну Тараканову в темнице» Третьяков назвал «произведением, делающим честь русской школе и, тем более, произведенным в России, а не за границей».

Княжна Тараканова в темнице. Художник К. Д. Флавицкий

Не ждали. Художник И. Е. Репин

Предлагая свою цену за картину «Не ждали» Репина, Третьяков оправдывался: «Предлагаю не потому, что находил бы несправедливым более платить, а потому что нужно же мне умерить свои расходы на созидание коллекции! Невмоготу становится! И вперед таких безумных затрат, как верещагинские, не услышите». Приобретение на торгах Индийской серии полотен Василия Верещагина Павлу Михайловичу досталось тяжело: «На аукционе как за карточным столом, — вспоминал он. — Рассудок в пятки уходит, и потому я дал зарок на аукционы не ходить...»

«Я менее чем кто-нибудь желал бы бросать деньги и даже не должен сметь этого делать, — повторял Третьяков. — Мне деньги достаются большим трудом, частью физическим, но более нравственным, и, может быть, я не в силах буду долго продолжать торговые дела, а раз кончив их, я не в состоянии буду тратить на картины ничего».

Илья Репин

За более чем сорок лет своей собирательской деятельности Павел Михайлович Третьяков встречался и общался со множеством людей. Среди них русский художник Илья Ефимович Репин. Он родился в Чугуеве, Харьковской губернии, в семье военного поселенца. В 1871 г. окончил Петербургскую академию художеств с Большой золотой медалью. В возрасте двадцати восьми лет Репин написал «Бурлаков на Волге» — и тотчас стал знаменитым.

Павел Михайлович искренне любил семью художника, высоко ценил его талант. У Репина для галереи были приобретены «Запорожцы», «Крестный ход», «Не ждали», «Перед исповедью» и другие картины.

Выставленная в 1885 г. картина Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.» вызвала невероятную сенсацию. Незадолго до открытия выставки Третьяков написал художнику: «Картину Вашу „Царь Иоанн Грозный и сын его Иван Иванович“ покорнейше прошу считать за мной». За эту картину Третьяков заплатил Репину двадцать одну тысячу пятьсот рублей — неслыханную по тому времени цену.

Племянница Веры Николаевны Третьяковой вспоминала: «Иногда в зале дома, а иногда в галерее стояла только что приобретенная Павлом Михайловичем новая картина, покрытая белой простыней. Однажды, когда мы находились в галерее, Павел Михайлович подозревал нас и открыл простыню,

покрывавшую картину, и показал нам ее. Мы онемели от ужаса: это был Иван Грозный, убивший сына, работы Репина. Впечатление было страшное, но оттакаивающее. Потом эту картину повесили в маленькой комнатке, примыкавшей к большому залу, и перед ней положили персидский ковер, который был как бы продолжением ковра, изображенного на картине, и, казалось, сливался с ним. Казалось, что убитый сын Грозного лежал на полу комнаты, и мы с ужасом стремглав пробегали мимо, стараясь не смотреть на картину».

Сам художник признавался, что огромные силы положил написание этой картины и много горя пережил с ней.

Илья Репин.
Автопортрет

«Чуть только я прочел в газетах о бурлаках Репина, то тотчас же напугался. Даже самый сюжет ужасен: у нас как-то принято, что бурлаки более всего способны изображать известную социальную мысль о неоплатном долге высших классов народу... К радости моей, весь страх мой оказался напрасным: бурлаки, настоящие бурлаки и более ничего. Ни один из них не кричит с картины зрителю: „Посмотри, как я несчастен и до какой степени ты задолжал народу!“ И уж это одно можно поставить в величайшую заслугу художнику».

Ф. М. Достоевский

Бурлаки на Волге. Художник И. Е. Репин

Передвижники

Группа художников-передвижников в 1886 г.

Слева направо:
Г. Г. Мясоедов,
К. А. Савицкий,
В. Д. Polenov,
С. Н. Амосов,
Е. Е. Волков,
А. А. Киселёв,
Н. В. Неврев,
В. И. Суриков,
В. Е. Маковский,
И. И. Шишкин,
А. Д. Литовченко,
И. М. Прянишников,
К. М. Лемох,
Н. А. Ярошенко,
И. Н. Крамской,
И. Е. Репин,
П. А. Брюллов,
А. К. Бегров,
Н. Е. Маковский

В 1863 г. четырнадцать художников вышли из Академии художеств, осудив оторванность искусства от жизни. Это событие послужило поводом для организации Иваном Николаевичем Крамским артели художников, в которую вошли его товарищи и единомышленники — Алексей Иванович Корзухин, Александр Дмитриевич Литовченко, Константин Егорович Маковский и др. Целью артели было утверждение идейного, народного искусства.

В 1870 г. появляется Товарищество передвижных художественных выставок (отсюда название входивших в артель художников — «передвижники»), которое объединило в своих рядах наиболее значительных мастеров своего времени и сыграло огромную роль в распространении реалистического искусства.

Первый устав Товарищества подписали Иван Крамской, Василий Перов, Григорий Мясоедов, Алексей Саврасов, Иван Шишкин, Николай Ге, Илларион Прянишников и др. Впоследствии в Товарищество вошли Василий Суриков, Илья Репин, Виктор Васнецов, Валентин Серов, Архип Куинджи и многие другие.

Современник передвижников Николай Дмитриевич Телешов вспоминал: «Передвижные выставки начались еще при Перове и Крамском, с 1871 г., и на протяжении десятков лет имели большое культурное значение и влияние. Многие, в том числе и я, воспитывались на них. Последняя, сорок восьмая выставка была в 1922 г. <...>

Помню, я целые дни проводил на этих выставках, где невозможно было оставаться холодным или спокой-

ным. Зритель всегда бывал увлечен и взволнован как самим мастерством, так и сюжетом, содержанием, идеей картины. Впоследствии многих передвижников упрекали за сюжеты, находя их тенденциозными, и даже в пейзажах Левитана усматривали оппозиционное настроение, но картины эти завладевали зрителем и вызывали восторги. <...>

Перемещаясь из города в город, выставки подчинялись контролю цензуры, и картины, пропущенные в одном городе, оказывались «неудобными» в другом.

Сами художники, вызывавшие своими выставками шумные споры и праздники искусства, спокойно и просто собирались по субботним вечерам в Обществе любителей художеств на Дмитровке, просматривали русские и иностранные журналы, играли в шахматы, вели товарищеские беседы, иногда слушали интересные доклады, а то и концерт, — в виде товарищеской услуги устраиваемый местными или заезжими артистами, — а в заключение садились за ужины. <...>

Непринужденность и простота делали эти ужины заразительно веселыми и интересными. Всё это хорошо и живо объединяло маститых стариков с талантливой молодежью, когда среди таких художников и скульпторов, как Суриков, Репин, Polenov, Саврасов, Васнецов, Маковский, Волнухин, появлялись молодые, начинавшие входить в славу Левитан, Серов, Коровин, Касаткин, Головин и другие, еще более молодые, вошедшие впоследствии в Мир искусства».

Этюдник с масляными красками

Михаил Семёнович
Щепкин. Художник
Н. В. Неврев

В самом конце 1860-х гг. Павел Михайлович задумал создать «Русский пантеон» — портретную галерею выдающихся соотечественников: писателей, музыкантов, художников, артистов («Дабы сохранить для потомков их облик»).

Первым в этой серии стал портрет горячо любимого Третьяковым артиста Михаила Семёновича Щепкина, заказанный художнику Николаю Васильевичу Невреву.

Как портретистов Павел Михайлович наиболее ценил Василия Перова (написал портреты Ивана Тургенева, Владимира Даля, Александра Островского и др.), Ивана Крамского (портреты Николая Некрасова, Михаила Салтыкова-Щедрина, Марка Антокольского и др.) и Илью Репина (портреты Модеста Мусоргского, Владимира Стасова, Ивана Сеченова и др.)

Лично или через знакомых Третьяков вел переговоры с тем или иным известным человеком о написании портрета и отправлял к нему художника. Правда, иногда переговоры затягивались надолго. Так, Лев Николаевич Толстой наотрез отказывался позировать. Счет шел на годы. Дочь Третьякова Александра вспоминала, что добиться согласия великого писателя смог

Иван Михайлович
Сеченов. Художник
И. Е. Репин

лишь Крамской. «Разговор продолжался с лишком два часа, четыре раза я возвращался к портрету, и всё безуспешно, — приводит она слова художника. — Никакие просьбы и аргументы на него не действовали. Одним из последних аргументов с моей стороны был следующий: „Я слишком уважаю причины, по которым ваше сиятельство отказывает в сеансах, чтобы дальше настаивать, и, разумеется,

должен буду навсегда отказаться от надежды написать портрет. Но ведь портрет ваш должен быть и будет в галерее“. — „Как так?“ — „Очень просто: я, разумеется, его не напишу, и никто из моих современников, но лет через тридцать, сорок, пятьдесят он будет написан, и тогда останется только пожалеть, что портрет не был сделан своевременно“. Наконец, он согласился с тем, что если портрет ему не понравится, то он будет уничтожен».

Художники, к которым Третьяков обращался, понимали всю важность задачи и не отказывали. «Я желал бы знать, не можете ли Вы теперь приступить к портретам для меня Грибоедова, Фонвизина, Кольцова?» — спрашивал в письме Третьяков Крамского. И одновременно обращался к Достоевскому: «Я собираю в свою коллекцию русской живописи портреты наших писателей. Имею уже Карамзина, Жуковского, Лермонтова, Лажечникова, Тургенева, Островского, Писемского и др. Будут, т. е. уже заказаны, Герцена, Щедрина, Некрасова, Кольцова, Белинского и др. Позвольте и Ваш портрет иметь».

Александр Николаевич
Островский. Художник
В. Г. Перов

Портретная галерея пополнялась в течение всей жизни Павла Михайловича, причем запечатлены на картинах оказывались не только выдающиеся современники, но и деятели предыдущих эпох. Приобретая понравившиеся работы у наследников или на развалах, Третьяков сохранил для потомков имена художников прошлого: Ивана Никитина, Фёдора

Рокотова, Антона Лосенко, Дмитрия Левицкого, Василия Боровиковского, Ореста Кипренского, Карла Брюллова.

Среди приобретений Третьякова были и парсуны XVI–XVII вв.: изображения царей Ивана Грозного, Фёдора Иоанновича и др.

Многие из собранных Третьяковым портретов выставлялись на передвижных художественных выставках, и благодаря этому с ними знакомилось большое количество людей. На всех таких картинах значилась надпись: «Собственность П. М. Третьякова».

В «Русский пантеон» вошли и прекрасные портреты самого Павла Михайловича работы Ильи Репина.

Третьяков и Толстой

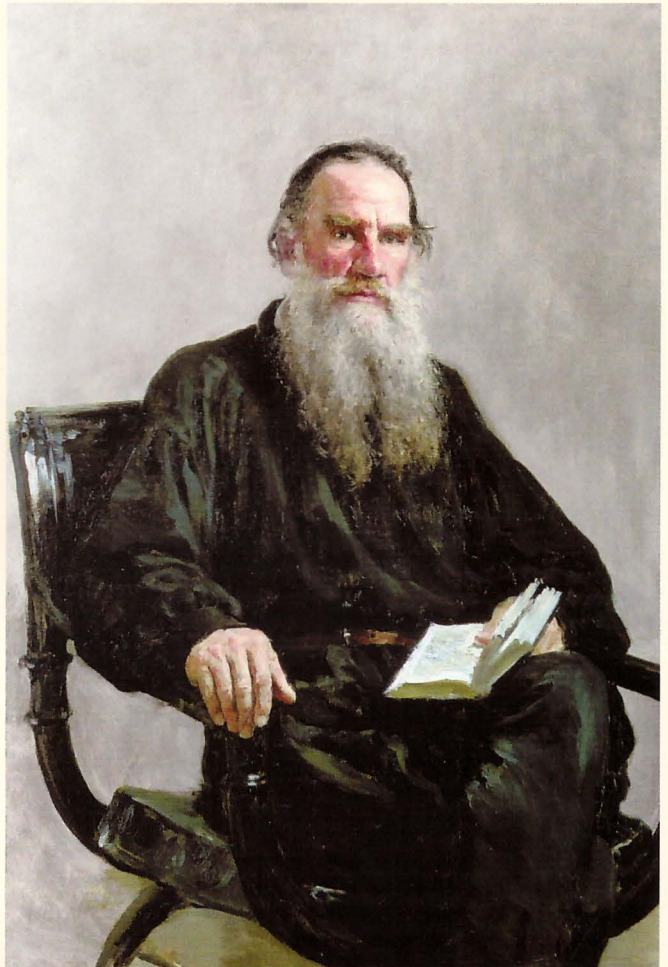
Льва Николаевича Толстого Третьяков воспринимал как великого писателя, прочел многие его произведения. Они были лично знакомы и общались. Дочь Третьякова Вера вспоминала: «В начале 1880-х гг. мы чаще и чаще слышали от нашего отца о его свиданиях со Львом Николаевичем Толстым: то последний заходил побеседовать с отцом, то отец заезжал ко Льву Николаевичу. Беседы их всегда касались их мнений и взглядов о делании добра, о благотворительности, о терпимости, о непротивлении злу, об искусстве, о религии и о всех вопросах, в то время интересовавших Толстого. Он только что написал свою „Исповедь“ и „В чем моя вера“. Это было начало расцвета его философских идей.

Мы зачитывались его писаниями и с интересом слушали рассказы отца о его разговорах с Толстым; они почти всё время спорили. Как-то отец сказал Толстому: „Вот когда вы, Лев Николаевич, научитесь прощать обиды, то тогда я поверю в искренность вашего учения о непротивлении злу“. Рассказывая это, отец ехидно-добродушно улыбался».

За годы собирательства произведений живописи Третьяков приобрел глубокие специальные знания: изучил историю и технику живописи, свойства красок и даже овладел мастерством реставратора. Он сам умел промыть полотно от загрязнений, мог их покрыть лаком, заделать прорывы холста. Начинаяющим художникам давал уместные и полезные советы, а в отношении мастеров нередко поступал иначе, стараясь лично внести какие-то штрихи. Так было, к примеру, с портретом Льва Николаевича Толстого кисти Ильи Репина.

Третьяков купил портрет, а затем... поправил его. Свидетель этого, камердинер и впоследствии служащий галереи Андрей Осипович Мудрогель, так передал этот сюжет: «Третьякову показало, что у Толстого очень румяное лицо. Особенно лоб. Лоб совершенно красный. „Будто он из бани!“ — недовольно говорил Павел Михайлович. И всё допрашивал нас: „Вы видели Толстого. Не такой же у него румяный лоб?“ — „Да, — говорим, — лоб не такой румяный“. — „Ну вот, и мне так кажется. Придется исправить“. —

„Сказать Илье Ефимовичу?“ — спросил я. „Ни в коем случае! Он всё перекрасит и, может быть, сделает хуже“.

Ходил он вокруг портрета с месяцем, и, наконец, однажды приказывает мне: „Принеси-ка краски, масляные и акварельные“. <...> Несу палитру, Третьяков берет самую маленькую кисточку и начинает убавлять красноту на портрете Толстого. Румянец на лбу был залессирован. Так портрет и остался, поправленный Третьяковым».

Лев Николаевич Толстой.

Художник И. Е. Репин

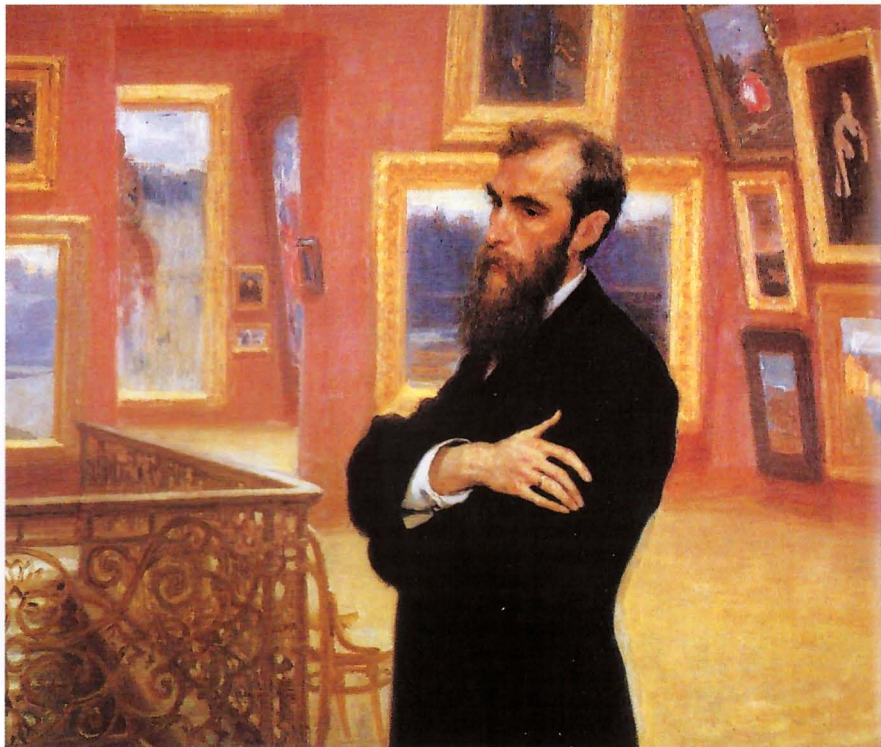
Палитра с масляными красками и кистью

Павел Михайлович
Третьяков в своей
галерее.
Художник И. Е. Ретин

Коллекционер Иван Петрович Свешников вспоминал, как однажды был у Павла Третьякова в гостях: «Захожу я к нему по делу, в понедельник. А он по этим дням, когда публику не пускают в его галерею, сам ее обходит. Иду и я в галерею, вижу: стоит Третьяков, скрестив руки, и от картины взора не отрывает. „Что ты, — спрашиваю, — Павел Михайлович, здесь делаешь?“ — „Молюсь“».

К 1870 г. собрание Третьякова насчитывало свыше пятисот картин — настоящая художественная галерея, которая располагалась в залах, специально пристроенных к жилому дому. И хотя места для новых полотен постоянно не хватало, Павел Михайлович не думал останавливаться.

С 1874 г. с личного разрешения Третьякова в галерею стали допускаться незнакомые ему единичные посетители, а с начала 1880-х гг. — и широкая публика. Третьяков детально вникал во всё, что касалось его детища. Каждое утро он обходил залы, а в конце дня подробно расспрашивал служителя о том, сколько посетителей побывало в галерее, какое мнение, уходя, они высказывали. Затем он совершал вечерний обход.

Зная, что от неправильной температуры воздуха внутри помещения картины могут испортиться, Павел Михайлович лично следил и за этим. В каждом зале он повесил термометры, сам проверял их показания, при необходимости приказывал протопить печи или, наоборот, приоткрыть окна. Окна были затянуты сетками. Ежедневно служители галереи специальными пуховыми кистями осторожно сметали с картин пыль. До блеска в залах натирались полы.

Развешиванию картин Павел Михайлович придавал особое значение. Илья Репин вспоминал, что Третьяков «ночей не спал, пока не находил лучшего

места для каждой картины. <...> Он понимал впечатление от каждой вещи и не успокаивался, пока не доходил до самых незаменимых положений картин». Об этом же рассказывает и служащий галереи: «Экспозиция была самое больное место Третьякова. Каждую картину он старался так повесить, чтобы она не потерялась. Это бывало трудно, потому что картины поступали постоянно и все лучшие места уже бывали заняты. Тогда начиналась переписка. <...>

Иногда ночью позовет, скажет: „Такую-то картину повесить там-то“. А утром опять зовет: „Нет, повесить ее там-то, лучше будет. Я во сне видел, что она уже висит именно там, и мне понравилось“».

Выходцы из разных сословий могли бесплатно приобрести к русской национальной живописи. Павел Михайлович не отказывал в разрешении юным дарованиям копировать картины прославленных художников, считая, что для начинающих это лучшая школа. Но вместе с этим появились и серьезные проблемы. Некоторые копировщики на копиях ставили поддельные подписи, а затем продавали картины как оригиналы. Другие, чтобы лучше уловить тон картины, «примеряли» на ней свои краски... Да и среди посетителей оказывались «нечистые на руку». Всё это вынудило Третьякова в 1891 г. закрыть на время галерею для публичного посещения.

Император-коллекционер

Император Александр III был ценителем искусства и коллекционером. Именно ему обязан своим появлением Русский музей — уникальное собрание образов отечественной живописи и скульптуры.

Как и Третьяков, Александр III с большим интересом посещал передвижные выставки. Если какая-то работа нравилась, приобретал ее. Но однажды, указав на одну из картин и желая ее купить, император услышал: «Продана Третьякову». Нахмурившись, Александр захотел приобрести другую картину. Но и она уже принадлежала Третьякову. Царь не мог сдержать недовольства: купец всё у него перебил!

Устроители выставки чувствовали себя крайне неловко и после отъезда императора решили впредь с выставки ничего не продавать, пока его величество на ней не побывает. Огорчился и Третьяков. Но вскоре нашел выход из положения: он стал покупать картины в мастерских художников, до их появления на выставке.

Несмотря на внезапно выявившееся соперничество, император высоко ценил собирательскую деятельность Третьякова.

Из поколения в поколение передается предание о посещении Александром III дома Третьяковых. Едва государь вошел в дом, Третьяков радушно его встретил и проводил в залы галереи. В одном из них остановились возле «Боярыни Морозовой» Василия Сурикова. Александр III попросил уступить картину для своего музея. Павел Михайлович ответил на это, что картина ему уже не принад-

лежит, так как он собирается передать галерею городу. Тогда император отступил от Третьякова и низко ему поклонился.

Необычная скромность Третьякова поражала современников. Из-за нее многие из его деяний оставались неизвестными окружающим.

После визита государя Третьякову хотели пожаловать дворянское звание, но он не принял его. «Купцом родился, купцом и умру» — таков был ответ.

Боярыня Морозова.
Художник
В. И. Суриков

Боярыня Феодосия Морозова, представительница знатного рода, в эпоху царя Алексея Михайловича выступила яркой противницей церковных реформ патриарха Никона, приведших к расколу церкви. За приверженность к «старой вере» Морозова была арестована и лишена состояния. Ее сослали в Пафнутьево-Боровский монастырь и заточили в тюрьму, где она и скончалась. Суриков изобразил момент, когда непокорную боярыню, закованную в цепи, перед заточением в монастырь с позором провозят по улицам.

Император
Александр III
с супругой, импе-
рицей Марией
Фёдоровной.
Художник
И. Н. Крамской

«Троица» Андрея Рублёва

В начале 1890-х гг. Павел Третьяков начал собирать иконы. Первые иконы он приобрел у Ивана Лукича Силина — известного антиквара, собирателя старых книг. С той поры Третьяков покупал иконы у разных людей.

За несколько лет ему удалось составить собрание из шестидесяти двух икон XV—XVII вв., каждая из которых была мастерски написана.

В то время, когда Третьяков приобретал иконы, в обществе в целом иконопись еще не была объектом интереса. Иконы хранились в семьях, но специального собрания церковной живописи практически не было.

Третьяков и в этом был первым. По словам Ивана Крамского, Павел Михайлович обладал «каким-то невероятным чутьем».

В свою галерею иконы Третьяков не поместил — либо не успел, либо изначально не посчитал нужным.

Так выглядела «Троица» Андрея Рублёва после того, как в 1904 г. с нее сняли оклад

«Открытие» русских икон

Русская иконопись как искусство была «открыта» на рубеже XIX—XX вв., когда представители отечественной культуры с удивлением обнаружили, что по качеству она не уступает лучшим мировым образцам.

Объяснение простое. Не было специализированного собрания икон. Отсутствовали специалисты, занимавшиеся их изучением. Украшение икон добротными золотыми окладами не позволяло разглядеть большую часть изображения. А олифа, которой иконы традиционно покрывались, со временем темнела (причем произойти это могло и за сравнительно небольшой период — всё зависело от качества самой олифы и от условий хранения иконы).

«Реставрации», которые время от времени проводились руками церковных живописцев, подразумевали не очистку верхнего слоя иконы, а нанесение нового изображения, совпадавшего, как правило, по сюжету. В одних случаях художник точно соблюдал

Андрей Рублёв расписывает Спасский собор в Андрониковом монастыре. Миниатюра из «Жития преподобного Сергия Радонежского»

пропорции и принципы композиционного построения первоисточника, в других — только повторял сюжет, внося поправки в первоначальное изображение: менял размеры и пропорции фигур, их позы, другие детали.

Не избежала таких изменений и «Троица» Андрея Рублёва — одна из самых известных икон из собрания Третьяковской галереи. Четыре или пять раз она «обновлялась» с начала XVII в. И только в начале XX в. икону вернули ее первоначальный вид — такой, какой был при Андрее Рублёве.

«К русским пейзажам имею я слабость...»

Грачи прилетели. Художник А. К. Саврасов

Первым «лириком» отечественной живописи назвал своего учителя Алексея Кондратьевича Саврасова художник Исаак Ильич Левитан. Именно Саврасова принято считать родоначальником русского реалистического пейзажа.

Образ одухотворенной русской природы получил воплощение в самой знаменитой его картине «Грачи прилетели». «Лучшей» и «действительно прекрасной» называл эту картину Иван Николаевич Крамской, отмечая, что в пейзажах других авторов есть «деревья, вода и даже воздух, а душа есть только в „Грачах“».

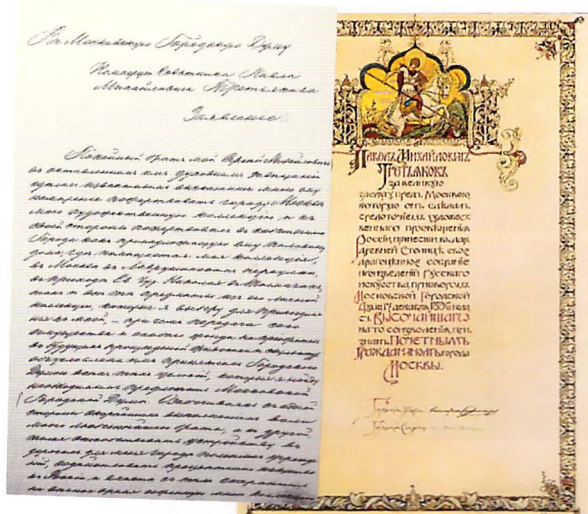
Несмотря на то что Саврасов долгое время воспринимался как «мастер одной картины», его художественное наследие огромно. Многие пейзажные полотна (среди них — «Проселок», «Скоро весна», «Весна» и др.) Саврасова представлены в Третьяковской галерее.

Будущего мастера русского лирического пейзажа Третьяков, пожалуй, первым распознал и в начинающем художнике Исааке Левитане. Тонко чувствующий природу, Левитан как никто другой мог передать любой оттенок ее настроения на холсте. На полотнах художника «оживали, каждый раз по-новому, уголки родной природы, до него никем не замеченные, не открытые», — вспоминал современник.

Вечерний звон. Художник И. И. Левитан

Слева: «Заявление» Третьякова в Московскую городскую думу
Справа: Грамота о присвоении Павлу Третьякову в 1896 г. звания почетного гражданина Москвы.
Автор художественного оформления В. М. Васнецов

В 1892 г. Павел Третьяков представил в Московскую городскую думу «Заявление», в котором говорилось о его желании передать собрание картин вместе с домом родному городу. «Желая способствовать устройству в дорогом для меня городе полезных учреждений, содействовать процветанию искусств в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию, ныне же приношу в дар Московской городской думе всю мою картинную галерею со всеми художественными произведениями, подробная опись которой с расценкою отдельных предметов имеет быть составлена при передаче; вместе с тем я передаю в собственность города принадлежащую мне половину дома», — завершал Третьяков.

Среди условий были такие:

«1. Пожизненно я и моя жена Вера Николаевна сохраняем право пользоваться тем самым помещением в жертвуемом доме, которое мы до сих пор занимаем, причем ремонт дома, содержание оного и уплату повинностей мы принимаем на себя.

2. Я предоставляю себе право перестраивать имеющиеся помещения и вновь пристраивать с тем, разумеется, чтобы эти перемены не уменьшали стоимости имения.

3. Галерея помещается в жертвуемом доме и должна быть открыта на вечное время для бесплатного обозрения всеми желающими не менее четырех раз в неделю в течение всего года, за исключе-

нием только того времени, когда необходимо будет производить ремонтные работы. <...>

6. Мне пожизненно предоставляется право заменять одну картину другою, если в видах улучшения коллекции я найду это необходимым, с условием лишь, чтобы общая стоимость коллекции от этого не уменьшилась. Но это право никак не может принадлежать будущим попечителям».

15 сентября 1893 г. Московская городская дума «Заявление» Третьякова обсудила и со всеми его положениями согласилась. По ходатайству думы художественной галерее было присвоено наименование «городская».

Почему Третьяков задумал передать галерею Москве, а не отдать под общероссийское управление? Павел Михайлович так разъяснил свое решение: «На счет названия галереи совершенно бесполезно говорить, так как оно измениться не может... Означает оно... что это есть собственность города, принадлежащая только ему... Для меня важно не название, а суть дела... что с ней не может случиться того, что случилось с Румянцевским музеем, который вместо Петербурга находится теперь в Москве, а завтра может быть в Киеве или другом каком городе; я же желаю, чтобы наше собрание всегда было в Москве и ей принадлежало, а что пользоваться собранием может весь русский народ, это само собой известно».

В 1893 г. Московская городская галерея братьев Третьяковых была торжественно открыта. В двадцати двух залах было развешено одна тысяча двести семьдесят шесть картин русских художников. Помимо этого, в галерее хранились: четыреста семьдесят один рисунок и десять скульптур русской школы и восемьдесят четыре картины иностранных художников (последние — из собрания Сергея Михайловича Третьякова). Это был красноречивый итог тридцатипятилетнего собирательства.

До последних своих дней Третьяков был попечителем галереи и пополнял коллекцию.

Отношение общественности к подаренной Москве галерее довольно точно выразило издание «Новости и Биржевая газета», вышедшее в декабре 1898 г.: «Говорят, будто по покупной цене картин Третьяковская галерея стоит полтора миллиона рублей — подите купите ее теперь по этой цене! Ей, милостивые государи, нет теперь цены! Она является беспримерным и бесценным художественным собранием, так как за нее, кроме громадных денег, заплачено колоссальным личным трудом, грандиозной любовью к делу, так как создали ее и деньги, и понимание, и любовь, и достойная высокая похвалы самоотверженность».

«Любезный мой брат...»

Справа:
Иван Грозный.
Скульптор
М. М. Антокольский

Сергей Михайлович
Третьяков. Художник
В. А. Серов

Особняк Сергея
Михайловича
Третьякова
на Пречистенском
бульваре в 1880-х гг.
Архитектор
А. С. Каминский

Член Московского совета торговли и мануфактур (с 1868 г.), московский городской голова (1877–1881), попечитель городского Таганского училища (1873–1877), член Совета Московского училища живописи, ваяния и зодчества... Сергей Михайлович Третьяков наряду с работой в фирме «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин», отдавал много сил и времени общественной деятельности.

Как и брат, Сергей Третьяков был коллекционером. Он начал собирать картины в первой половине 1870-х гг., но в отличие от Павла преимущественно интересовался работами современных ему зарубежных мастеров: французских, немецких, голландских, испанских и др.

Картины русских художников, которые Сергей приобретал большей частью бессистемно, он передавал в галерею брата. Среди них такие шедевры национальной живописи, как «Украинская ночь» Архипа Куинджи, «Птицелов» Василия Перова, «Деловой визит» Владимира Маковского, «Лунная ночь» Ивана Крамского, «Поездка в Дели» Василия Верещагина.

В целом его собрание включало семьдесят пять картин, восемь рисунков и пять статуэток европейских мастеров, несколько французских гобеленов на сюжет Троянской войны, а также ряд

живописных и скульптурных работ отечественных авторов. Самым дорогим произведением в коллекции была скульптура Марка Антокольского «Иван Грозный».

Жизнь Сергея Михайловича контрастировала с суровым аскетизмом Павла Михайловича. Его особняк на Пречистенском бульваре (куда он переехал из дома, который купил вместе с братом) славился изысканными приемами и балами. Здесь собиралась блестящая публика, «вся Москва», как тогда говорили.

В 1892 г. Сергей Михайлович внезапно скончался.

В его завещании сказано: «Из художественных произведений, т. е. живописи и скульптуры, находящихся в моем доме... прошу брата моего, Павла Михайловича Третьякова, взять для присоединения к своей коллекции, дабы в ней были образцы произведений и иностранных художников, всё то, что он найдет нужным, с тем, чтобы взятые им художественные произведения получили то же назначение, какое он даст своей коллекции».

В 1892 г. Павел Третьяков писал своему приятелю Владимиру Васильевичу Стасову: «Коллекцию брата я могу, в силу завещания, взять в свою, и я ее разумеется, возьму и впоследствии помещу отдельно, но в этом же доме; она так и останется, к ней не прибавится ни одной иностранной картины, мое же русское собрание, надеюсь — если буду жив, — будет пополняться».

ремонт окончен и «галерея совсем готова к открытию»; осталось только посоветоваться, как разместить некоторые картины...

4 декабря 1898 г. Павел Михайлович Третьяков скончался. Последние его слова были обращены к близким: «Берегите галерею и будьте здоровы».

Весть о кончине великого мецената быстро разнеслась по Москве. Тысячи людей пришли проводить Третьякова в последний путь.

Отпевание состоялось в церкви Святого Николая Чудотворца в Толмачах. Художники, возглавляемые Виктором Васнецовым и Василием Поленовым, подняли гроб с телом Третьякова на руки и так, меняясь, несли его до Даниловского кладбища.

О кончине Павла Михайловича Вера Николаевна не сообщила — хотели скрыть, чтобы не усугубить ее состояние. Но она почувствовала всё равно. Ослабевшей рукой едва различимым почерком она написала на листе бумаги: «Требую быть там». «Что можно вообразить более трогательного и более трагического, как их последнее свидание?» — вспоминала дочь Третьяковых Александра.

Когда Веру Николаевну в кресле ввели в помещение, где покоился ее супруг, она не проронила ни слезы. Сидела возле него и не спускала с него глаз. Лишь тихонько кивала — прощалась. Но, видимо, чувствовала, что расставались они ненадолго: не прошло и четырех месяцев, как она ушла за ним.

Дело, которому Павел Третьяков отдал себя, продолжало жить.

*Вверху:
Павел Михайлович и Вера
Николаевна Третьяковы
в 1898 г.*

*Памятник на могиле Павла
Михайловича и Веры
Николаевны Третьяковых
на Новодевичьем кладбище,
куда в 1948 г. было
перенесено захоронение*

Весной 1898 г. семью Третьяковых постигло несчастье: парализовало Веру Николаевну. Она оказалась прикованной к инвалидному креслу. Лишенная дара речи, все свои чувства она выражала глазами.

Письма Павла Третьякова этого периода пронизаны болью за любимого человека. В них грусть и обреченность. Стараясь проводить с супругой как можно больше времени, Павел Михайлович тем не менее задумал отремонтировать галерею и перевесить картины.

«Последняя развеска Павла Михайловича всецело зависела от него одного, он ей отдал последние восемь месяцев своей жизни, и есть основания думать, что именно этот напряженный и утомительный труд свел его в могилу раньше времени. Я сам был свидетелем этой работы, в ее начале», — вспоминал художник Илья Семёнович Остроухов.

Летом 1898 г. Третьяков впервые пожаловался на здоровье. «Я очень устаю», — добавил он в письме к дочери. Однако воплощать свои замыслы в жизнь не прекратил. 1 сентября он сообщил Виктору Михайловичу Васнецову, что

Судьба галереи

После смерти Павла Третьякова для управления галереей был создан специальный Совет. Его глава — почитель галереи — избирался Московской городской думой.

В состав Совета входили видные московские художники и коллекционеры — Валентин Серов, Илья Остроухов, Игорь Грабарь. На протяжении почти пятнадцати лет бессменным членом Совета была дочь Павла Михайловича Александра.

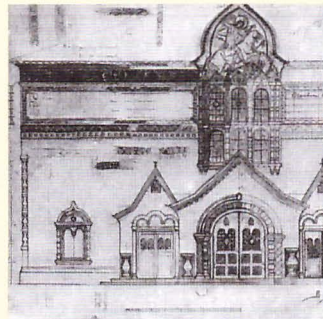
Галерея продолжала пополняться новыми работами. За время с 1900

Георгий Победоносцев, поражающий копьём змея.

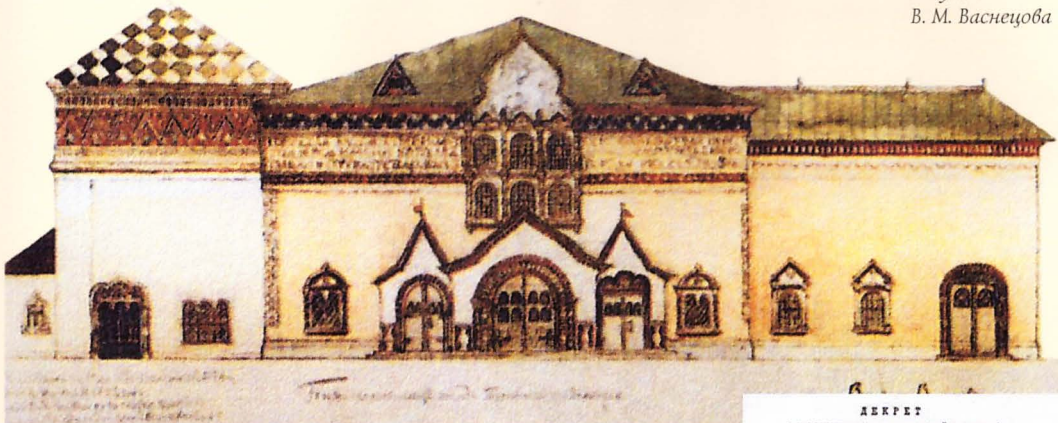
После революции здание и имущество галереи были объявлены государственной собственностью. Началась новая эпоха — в коллекцию стали поступать предметы советского искусства: живопись, скульптура, графика.

Галерея стала одним из крупнейших музеев живописи не только в нашей стране, но и в Европе.

В настоящее время в состав объединения «Государственная Третьяков-

Проект фасада
Третьяковской
галереи.
Рисунок
В. М. Васнецова

по 1912 г. в нее поступило около двухсот пятидесяти произведений. Год от года увеличивалось число посетителей: если в 1898 г. галерею посетило свыше восьмидесяти восьми тысяч человек, то в 1914 г. там побывало уже двести пятьдесят пять тысяч.

После смерти Павла Михайловича и его жены под выставочные залы были переоборудованы жилые помещения дома. В 1902 г. по рисунку Виктора Васнецова над зданием был возведен белокаменный фасад, известный и поныне. На нем вязью написано: «Московская городская художественная галерея имени Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых. Основана П. М. Третьяковым в 1856 г. и передана им в дар городу Москве в 1892 г. совместно с завещанным собранием С. М. Третьякова».

Стены здания были выкрашены в белый и красный цвета; над фасадом появился старинный герб Москвы —

ская галерея» входят: непосредственно Третьяковская галерея в Лаврушинском переулке (где хранятся дореволюционные экспонаты), Инженерный корпус в Лаврушинском переулке, Государственная Третьяковская галерея на Крымском Валу (там располагается обширная коллекция советского художественного искусства), Музей-квартира Аполлинария Михайловича Васнецова, Дом-музей Виктора Михайловича Васнецова, Музей-мастерская Анны Семёновны Голубкиной, Дом-музей Павла Дмитриевича Корина.

ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ.

Принимая во внимание, что Московская Государственная Художественная Галерея П. и С.М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительские функции и что интерес рабочего класса требует, чтобы Третьяковская Галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, нацеленных в своей деятельности Народным Комиссариатом по Просвещению, Совет Народных Комиссаров постановил:

1/ Московскую Государственную Художественную Галерею имени П. и С.М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного Комиссариата по Просвещению на общих основаниях с прочими государственными музеями.

2/ Коллекции во всех музеях в сфере памятников искусства и старины при Народном Комиссариате по Просвещению, срочно изыскать и внести в действие новое положение об управлении галерей и их деятельности в соответствии с современными музейными требованиями и заданием демократизации художественно-просветительских учреждений Российской Советской Республики.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В.И. Ленин*
Уполномоченный Народного Комиссариата по Просвещению *В.И. Ленин*

3-го июня 1918 г.
Москва

Декрет о национализации Третьяковской галереи. 3 июня 1918 г.

История одного пункта завещания

Отношение Павла Михайловича Третьякова к пополнению коллекции картин после его смерти было непростым. В «Завещании» 1893 г. о передаче галереи городу прямо говорится, что никакие будущие попечители не вправе в сложившейся коллекции что-либо менять.

Вместе с тем в завещании, которое было написано спустя три года, Третьяков сам определил сумму, на проценты от которой возможно приобретение художественных произведений для коллекции.

В мае 1898 г. Третьяков решил скорректировать условия завещания и сделал к нему приписку: «Находя бесполезным и нежелательным для дела, чтобы художественная галерея пополнялась художественными предметами после моей смерти, так как собрание и так очень велико и еще может увеличиться, почему для обозрения может сделаться утомительным, да и характер собрания может измениться, то я по сему соображению... [назначенную сумму] сто двадцать пять тысяч рублей для приобретения на проценты художественных предметов вместо того определяю на ремонт и содержание Галереи, совместно с суммой выше сего назначенною».

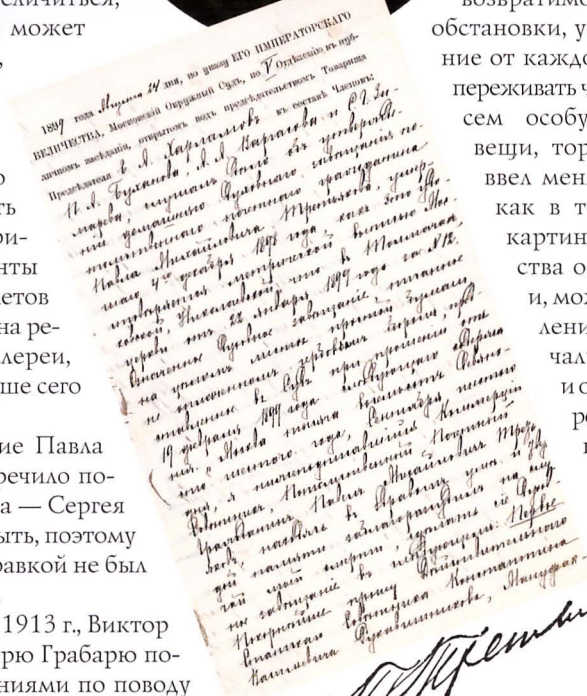
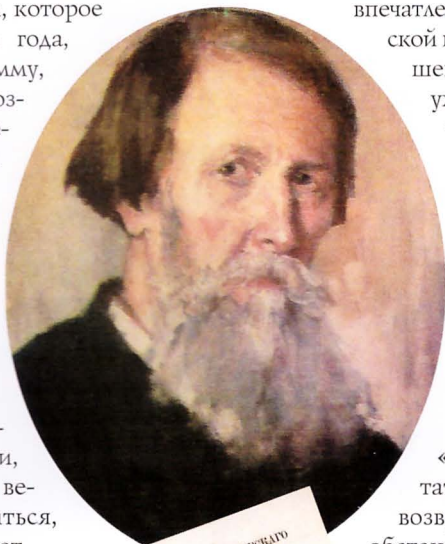
Однако это решение Павла Михайловича противоречило последней воле его брата — Сергея Михайловича. Может быть, поэтому текст завещания с поправкой не был юридически оформлен.

Спустя много лет, в 1913 г., Виктор Васнецов в письме Игорю Грабарю поделился своими сомнениями по поводу пополнения собрания Третьяковки: «При посещении галереи во мне снова с большой силой поднялся волнующий вопрос: не совер-

шили ли мы преступления относительно памяти П. М., видоизменяя его драгоценный художественный дар Москве и русскому народу — дар, лично им созданный из произведений его современников-художников? <...>

Невольно кидается в глаза и навязывается впечатление, что собственно Третьяковской галереи, может быть и не совершенно в прямом отношении, — уже нет, а есть городская галерея только имени Третьякова, составленная из картин, пожертвованных Третьяковым, и из картин, приобретенных после него».

Общее мнение художников, к которым нередко обращался в свое время Третьяков при развешивании картин, выразил Илья Репин в одном из своих писем: «Готов был лечь на полу, кататься во прахе и оплакивать невозвратимое. Вместо интимной обстановки, усиливающей впечатление от каждой вещи, заставлявшей переживать чувства художника и совсем особую иллюзию каждой вещи, торжествующий Грабарь ввел меня в огромный зал, где, как в торговом доме, висели картины по принципу равенства освещений, расстояний и, можно прибавить, впечатлений. <...> Вещи так кричали одна перед другой, и особенно портреты, портреты... Мне кажется, теперь уже невозможно восстановить».

Виктор Михайлович Васнецов. Автопортрет

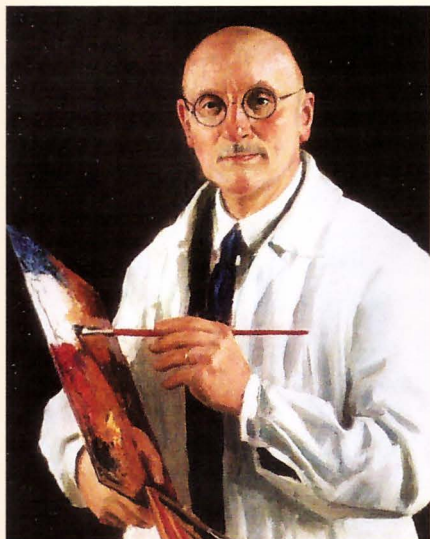
Страница из «Завещания» Третьякова в Московскую городскую думу

Подпись Павла Третьякова

Игорь Грабарь

В 1913 г. на должность попечителя Третьяковской галереи был избран художник и историк искусства Игорь Эммануилович Грабарь. С 1917 по 1925 г. он был директором галереи.

Игорь Эммануилович Грабарь. Автопортрет

В юношеские годы Грабарь, как и многие начинающие художники, учился в Академии художеств в Петербурге. Тогда среди его наставников был Илья Ефимович Репин. В период Серебряного века он — член объединения «Мир искусства», участник общества «Союз русских художников».

После революции Игорь Грабарь руководил Обществом охраны памятников искусства и старины, тогда в полной мере раскрылся его талант как реставратора: благодаря профессионализму Грабаря многие иконы XI–XIV вв., монументальные росписи обрели свое второе рождение.

С 1918 по 1930 г. Игорь Грабарь был директором Центра реставрационных мастерских в Москве, а с 1944 г. — его научным руководителем.

Грабарь состоялся в полной мере и как теоретик искусства. По его руководством была издана многотомная «История русского искусства», он стал автором ряда монографических исследований о русских художниках.

В 1943–1946 гг. Игорь Грабарь руководил Всероссийской академией художеств. С 1944 по 1960 г. был директором Института истории искусств Академии наук СССР.

Высказывания Третьякова

«Позвольте сказать несколько слов о моем собрании русской живописи. Много раз и давно думалось, дело ли я делаю? Несколько раз брало сомнение — и всё-таки продолжаю. Положим, не тысячу, а сотню беру ненужных вещей, чтобы не упустить одну нужную, но это не так для меня.

Я беру, весьма может быть ошибочно, всё только то, что нахожу нужным для полной картины нашей живописи. <>

Одни говорят — должно быть непременно поучительное содержание, другие требуют поэтического, третьи — народного быта, и только его одного, четвертые только легкого, приятного, пятые прежде всего самой живописи, техники, колорита; и так далее без конца. Народу нужно опять что-то другое. Он не поймет...

На моем коротком веку так на многое уже изменились взгляды, что я теряюсь в решении, кто прав? И продолжаю пополнять свое собрание. <>

Мое личное мнение то, что в живописном искусстве нельзя не признать главным самую живопись. <> Разумеется, высокое содержание... было бы весьма желательно».

«Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы обществу в каких-либо полезных учреждениях».

«Спасение России в том, чтобы талантливые ее люди друг другу не мешали, а помогали бы друг другу».

«Странное дело: во всю мою жизнь не было ни одного случая, чтобы я какое-нибудь конченное мною дело только на словах, не на бумаге, считал бы не конченным: слово мое было всегда крепче документа».

Павел Михайлович Третьяков. Художник И. Н. Крамской

Дом Павла Михайловича Третьякова, в котором сегодня располагается художественная галерея

Дочери Третьяковых и их судьба

Три поколения семьи Третьяковых в 1897 г. Слева направо: Павел Михайлович Третьяков, Александра Боткина, Любовь Грищенко, Вера Николаевна Третьякова, Сергей Боткин, Николай Грищенко, дочери Боткиных — Александра и Анастасия

Александр Ильич Зилоти в 1880-х гг.

Павел Михайлович желал, чтобы его дочери вышли замуж за купцов. Даже однажды сказал им, что если вздумают выйти замуж за представителей артистической среды, то своего согласия не даст.

Однако выбор дочерей не совпал с отцовским.

Старшая из дочерей, Вера, полюбила талантливого пианиста Александра Ильича Зилоти, ученика Антона Рубинштейна и Ференца Листа, двоюродного брата композитора Сергея Рахманинова. Не желая расстраивать отца, Вера не знала, как сказать о своем решении. Она очень нервничала и даже заболела. Павел Михайлович всё узнал. Вместе с Верой Николаевной подошел он тогда к дочери и сказал: «Мы дадим тебе, только не хворай».

Свадьба состоялась в феврале 1887 г.

Мужем другой дочери, Александры, стал врач Сергей Сергеевич Боткин, в будущем профессор медицины и лейб-медик. С ним Третьяков был особенно дружен — их объединяла общность художественных вкусов: Сергей

Сергеевич собирал рисунки и акварели русских художников.

В этом браке родились две дочери, старшая из которых, Александра, стала знаменитой советской киноактрисой и режиссером.

Другой представитель семьи Боткиных, Александр, женился на Марии Третьяковой. Как и его брат Сергей, Александр получил медицинское образование. Служил на флоте. В качестве помощника начальника участвовал в нескольких гидрографических экспедициях, в том числе и по изучению Северного Ледовитого океана.

Мужем Любови Третьяковой стал художник Николай Грищенко. Брак продлился шесть лет: в 1900 г. Любовь Павловна овдовела. Вторым браком она сочеталась со знаменитым Львом Бакстом, живописцем и графиком, создателем костюмов и декораций к спектаклям Сергея Дягилева в Париже.

Александра Павловна Третьякова (Боткина) и Сергей Сергеевич Боткин

Семейная страсть

Любовь к искусству и страсть к коллекционированию была характерной для Боткиных. Дядя Сергея Сергеевича, Михаил Петрович Боткин, был известным живописцем. Другой дядя, Дмитрий Петрович, собирал западную живопись — его коллекция, по мнению современников, была одна из лучших в России. Своими картинными галереями, собранием древних рукописей и предметов старины прославились братья Щукины — известные коллекционеры, родственники Боткиных.

Сам Сергей Сергеевич интересовался искусством отечественным. Про его обширную коллекцию рисунков и акварелей журнал «Новое время» в 1901 г. написал, что ей «может, пожалуй, позавидовать даже и Третьяковская галерея». Пополнять коллекцию супругу помогала Александра Боткина. Их дом в Санкт-Петербурге всегда был полон гостей. Здесь бывали художники, музыканты, писатели, артисты. Как и другие родственники (прежде всего Павел Михайлович), Боткины материально поддерживали молодых и нуждающихся художников — «без шума, как-то незаметно и скромно».

В 1917 г. коллекция Сергея Сергеевича была передана на хранение в Русский музей, где она находится и сейчас.

Лисичка. Портрет Александры Боткиной, внучки Павла Третьякова. Художник В. А. Серов

Семья Боткиных. Справа в кресле — Сергей Петрович Боткин, известный русский врач-терапевт, основоположник физиологического направления в клинической медицине

Меценаты и коллекционеры

«Крупных меценатов и коллекционеров в Петербурге почти не было.

Значительным коллекционером являлся банкир Н. А. Смирнов, собиравший художественные произведения с целью устроить свою галерею и перенести ее городу.

В Петербурге было Императорское общество поощрения художеств.

Поощрение заключалось в том, что общество содержало при себе школу рисования и устраивало конкурс по живописи для молодых художников, на котором присуждались денежные премии. <...>

Дворянство из-за своего обеднения, так же как и придворная и чиновная знать, слабо реагировало на искусство, требовавшее значительных затрат. Роль мецената и коллекционера перешла в руки торгово-промышленного класса — с его ростом и накоплением богатств. Покупателями картин и основателями частных галерей становились купцы — главным образом выходцы из народа, коренные москвичи. <...>

Искусство передвижников было понятно для купца — любителя живописи своей реальной передачей русского быта и русской природы. И темы народнические были близки сердцу выходца из народа.

При желании иметь у себя художественные произведения, ему оставалось только раскошелиться на них. Туговато, но и на это шел купец. Торговался до упаду, оттягивая сроки платежа, но всё же не мог отказать себе в удовольствии видеть на своих стенах вещь, которая ему понравилась на выставке.

Во главе московских коллекционеров стоял меценат искусства Павел Михайлович Третьяков, роль и значение которого в истории русской живописи достаточно выяснены и известны обществу. Можно сказать, что в его время художники-передвижники работали, а он оплачивал их труд. Ни одна картина, имевшая ценность для тогдашнего времени, не оставалась

на руках художника, но попадала в галерею Третьякова.

Значительным коллекционером, составившим в Москве свою галерею, был Иван Евменийевич Цветков. Хотя он был не купцом, а человеком с высшим образованием и служил в Земельном банке, но характер его был чисто купеческого склада. Даже сама фигура его, походка, речь увязывались с его пониманием искусства. Грузная фигура, тяжелая медленная поступь.

Бези он признавал только ясно определившихся мастеров, с содержанием, с живописью, доходящей до натурализма. Приобретаемые им картины казались такими же тяжелыми, как и он сам. Облывает вещь, внесет за нее маленький задаток, чтобы она значилась за ним, и за дымящей сигарой чувствует себя счастливым обладателем. Подойдет к картине, похлопает по ней рукой и скажет самодовольно:

— Вот она, голубушка! Собственность! Сосватал, извольте ли видеть! Дороговато, да что поделаешь — для галерейки надобность.

Цветкова и прозвали словами „извольте ли видеть“ за частое их повторение. <...>

Здание галереи Цветкова в конце XIX в.

Портрет собирателя картин и рисунков русских художников Ивана Евгеньевича Цветкова. Художник И. Е. Репин

Как ни интересовался Иван Евмениевич искусством, какое бы внимание ни уделял художникам, биографиям и мелочам их жизни, всё же художник поддержки от него не мог ожидать никакой, особенно из молодых, хотя бы и талантливых. Он признавал только установившееся в его время направление в искусстве и ничего нового предугадать не мог. К молодым силам относился полупрезрительно и не церемонился по отношению к ним в выражениях. <...>

Типичным коллекционером из мелкого купечества был Воробьёв, торговавший обувью. Он не обладал большим капиталом, но из любви к живописи тратил на нее все свои прибыли. Только откроется выставка — он уже там. Озираясь, точно из боязни быть пойманным на каком-то неблагоприятном деле, он перебегал от одной вещи к другой, спрашивая о ценах и тяжело вздыхал, когда картина была ему не под силу. Выбирал другую и сиял от радости, если покупка нравящейся ему картины удавалась.

Аккуратнейшим образом расплачивался за свои приобретения и сам приезжал за ними в день закрытия выставки. Привозил с собой простыню, веревки, всё тщательно упаковывал и увозил, как святыню.

Он не имел своего дома, но все комнаты его квартиры были увешаны картинами. Придя домой, он усаживался перед ними и (по его выражению) беседовал с ними. <...>

Характерной фигурой коллекционера — любителя живописи из старого купеческого круга являлся москвич Иван Петрович Свешников.

Высокого роста благообразный старик с длинной седой бородой и седыми прядями на голове. Глаза испытующие, зоркие, левый лукаво прищурен.

Состояние Свешников имел, вероятно, большое. У него был огромный меховой магазин, вел он где-то и лесные операции. Образования не имел почти никакого, с трудом писал письма, что не мешало ему завоевать себе положение в кругу капиталистов.

Старик любил деньги и с большой неохотой с ней расставался, но любовь к искусству заставляла его приносить эту жертву, и он приобретал ежегодно доступные для его понимания вещи.

— Не знаю, как впутался в это дело, — говорил Свешников, — а только люблю художество. Именно сказать — душу в нем отвоюю. <...> Вот только что дороговато.

И он пускался на всё, чтобы выторговать, сколько можно. Покупая вещь, он корил ее, дока-

Знаток. Художник М. В. Несторов

зывал, что она не стоит назначенной цены, выражаясь в таком роде:

— Ну что же, действительно, я не говорю, чтобы она очень плоха, но и не казиста же! Так только — наполовину. Ну и пусть цена будет божеская, а то вишь сколько! <...>

К художникам, однако, относился с уважением, никогда у него не было к ним пренебрежительного тона; больших мастеров особенно чтит, именую их мужами.

— Великие мужи Репин, Суриков, Поленов и другие достойные чести художники, просветители и усладители душ наших, — говаривал Свешников. <...>

Из рядов интеллигенции, приобретавшей картины, выделялся своим постоянством некто Минин.

Ежегодно являлся он на выставку и отбирал вещей ровно на три тысячи. В картинах он разбирался, относился к ним со вниманием и любовью и никогда не выколачивал у художника уступки. Бывал только в затруднении, когда сумма превышала три тысячи. Тогда художники сами шли ему навстречу и уступали в цене».

Я. Д. Минченков. «Воспоминания о передвижниках»

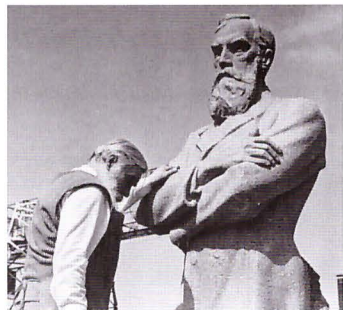

Памятник Третьякову

Памятник Павлу Михайловичу Третьякову из гранита был установлен перед зданием Государственной Третьяковской галереи 29 апреля 1980 г. Его авторы — скульптор Александр Павлович Кибальников и архитектор Игорь Евгеньевич Рожин.

Всемирно известный меценат и коллекционер изображен не «навечно застывшим в камне», а с присущей ему «живой неторопливостью», вдумчивостью и основательностью, которую отмечали близко знавшие его люди. Сосредоточенный взгляд как будто передает раздумья о будущей галерее, на создание которой ушли долгие годы.

Александр Павлович Кибальников известен многими работами, среди которых памятники Владимиру Маяковскому в Москве, Николаю Чернышевскому и Александру Радищеву в Саратове, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» в Бресте (совместно с Андреем Онуфриевичем Бембелем и Владимиром Адамовичем Королём). Кроме того, Кибальников — автор надгробных памятников Владимиру Маяковскому, Николаю Погодину, братьям Васильевым на Новодевичьем кладбище в Москве.

Скульптор Александр Кибальников работает над памятником Третьякову

Медаль в память 100-летия Государственной Третьяковской галереи. Медальеры С. З. Моргачёв, А. В. Козлов

Памятник Павлу Михайловичу Третьякову перед входом в Государственную Третьяковскую галерею

Вспоминая Третьякова

«Кому не приходила в голову мысль о том, что не появившись в свое время П. М. Третьяков, не отдавшись он всецело большой идее, не начни собирать воедино Русское Искусство, судьбы его были бы иные, быть может, и мы не знали бы ни „Боярыни Морозовой“, ни „Крестного хода“, ни всех тех больших и малых картин, какие сейчас украшают знаменитую Третьяковскую галерею. Тогда, в те далекие годы, это был подвиг».

М. В. Нестеров

«Третьяков умер знаменитым не только на всю Россию, но и на всю Европу. Приедет ли в Москву человек из Архангельска или из Астрахани, из Крыма, с Кавказа или с Амура, — он тотчас назначает себе тот день и час, когда ему надо, непременно надо идти в дальний угол Москвы, на Замоскворечье, в Лаврушинский переулок и посмотреть с восторгом, умилением и благодарностью весь тот ряд сокровищ, которые накоплены были этим удивительным человеком в течение всей его жизни».

В. В. Стасов

«Он довел свое дело до грандиозных, беспримерных размеров и вынес один на своих плечах вопрос существования целой русской школы живописи. Колоссальный, необыкновенный подвиг!»

И. Е. Ретин

«Несмотря на свою внешнюю мягкость и скромность, Павел Михайлович имел твердые, можно сказать, непоколебимо-честные убеждения и ни разу не поступался ими. <...> В наше время... эта гражданская мощь явилась совершенным исключением. Глядя на него, можно было не унывать и не падать духом».

В. Д. Polenov

«Он был не меценат, а серьезный общественный работник, наш художественный труд для него не забава и прихоть, а серьезное общественное дело».

В. М. Васнецов

Серия Путеводитель по истории России адресована активным и неравнодушным людям, у которых мало времени, но есть большое желание узнать историю своей великой страны. Достоверность, краткость, увлекательность, наглядность — на этих четырех принципах построена серия, поэтому мы привлекаем только авторитетных авторов, а наши сотрудники проделявают огромную исследовательскую работу, чтобы найти интересные дополнительные материалы.

В серии:

ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ. Автор великого закона ЛОМОНОСОВ. Самородок Русской земли
НИКОЛАЙ ПИРОГОВ. Патриарх русской хирургии
НИКОЛАЙ КАРАМЗИН. Колумб истории российской
ПУШКИН. Русский гений
ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Автор самого популярного словаря
РЮРИКОВИЧИ. История великой Руси
ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ. Золотой век Древней Руси
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. Защитник Русской земли
ИВАН ГРОЗНЫЙ. Просвещенный тиран
РОМАНОВЫ. История великой империи
АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Тишайший царь с железной хваткой
ПЁТР I. Творец Российской империи
АЛЕКСАНДР I. Император Европы
СУВОРОВ. Русский бог войны
ВОЙНА 1812 ГОДА. Первая Отечественная
КУТУЗОВ. Спаситель России
БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ. Стратег победы
ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ РУССКОЙ АРМИИ 1813—1814 ГГ.
АЛЕКСАНДР II. Царь-освободитель
ШАЛЯПИН. Русский оперный гений

Чернова Марина Николаевна

ПАВЕЛ ТРЕТЬЯКОВ

Основатель великой галереи

Исполнительный директор Т. Ванина

Редактор К. Никитин

В книге использованы иллюстрации из архива издательства

Подписано в печать 10.04.14. Формат 70 × 100/16. Печать офсетная.

Бумага мелованная. Гарнитура «LazurskiC».

Печ. л. 2,0. Тираж 8000 экз. Заказ № 8952/14.

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2—953000.

ООО «АСТ-ПРЕСС ШКОЛА».

105082, Москва, Переведеновский пер., д. 13, стр. 4.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,

www.pareto-print.ru

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ПАВЕЛ ТРЕТЬЯКОВ

ОСНОВАТЕЛЬ ВЕЛИКОЙ ГАЛЕРЕИ

В молодости Третьяков поставил перед собой цель — создать в России доступный музей живописи, чтобы показать народу и миру русскую художественную школу. Эта цель и определила его судьбу. Всю свою жизнь Павел Михайлович неустанно служил обществу — во имя любви к искусству и своему народу. Его уважали современники, и даже сам император Александр III в знак особых заслуг великого коллекционера перед Отечеством счел возможным ему низко поклониться. А ведь это был простой московский купец! Об этом удивительном человеке, скромном до застенчивости, но страстном в своей бескорыстной любви к русскому искусству, наша книга.